

Искатели

Автор:

Максим Удовиченко

Искатели

Максим Удовиченко

Диана Д. Удовиченко

Зеркала судьбы #3

Орочья воительница Мара отправилась на поиски древнего артефакта, чтобы спасти свой народ. Эльфийского мага Лэя больше интересуют сокровища богов, хотя стать героем родного леса он тоже не прочь. Цели абсолютно разные, а путь один – через острова Дикого архипелага. Но судьба приготовила для искателей множество испытаний. Как преодолеть их и не сгинуть в таинственных землях? Этого не знает никто, ведь на Диком архипелаге обманчивы даже законы природы.

Диана Удовиченко, Максим Удовиченко

Зеркала судьбы. Искатели

Глава 1

Лэй

Итак, нам удалось выжить в столкновении с древней неизвестной сущностью. После жутких событий команда Клешни некоторое время пребывала в прострации. Оно и понятно: большинство матросов не помнили, что с ними произошло. А когда узнали, долгое время не могли поверить.

Долго изображать слизняков морякам не позволили. Под командованием Бобо, его помощников и боцмана вскоре все пошло обычным чередом. Но теперь, хотя нашими стараниями на корабле было спокойно, члены команды стали странно поглядывать в нашу сторону – не враждебно и не со страхом, но с легким благоговением и робостью, будто на каких-то особенных существ.

Мы и раньше были весьма приметной компанией, но теперь к нам относились немного по-другому. Точнее ко мне. Орку, как и раньше, просто обходили стороной, не желая попасть под ее тяжелую руку. Меня же перестали приглашать в кубрик перекинуться в карты или кости и выпить вина. Старались вообще не говорить со мной и не смотреть в глаза. Единственными, кто не поменял отношения к нам, были капитан Клешня и боцман.

– Так обо... испугался народишко, господин эльф, – пояснил Дайф, когда я спросил о причинах такого поведения команды. – Раньше-то ребята не понимали, на что вы способны. Думали, так, угрё... уша... даллириец какой-то, в общем. А оказалось – великий волшебник! Толком-то наши долбо... ребята не помнят ничего. Вот и ходят по кораблю слухи, один чуднее другого. Рассказывают, вам, господин эльф, стоит рукой взмахнуть, и любому морскому чуду пер... конец настанет. А ваша подружка, говорят, самому Мертвому капитану надрала жо... то есть, победила.

Опровергать домыслы матросов мы не стали, бесполезно это. Люди склонны верить в самые невероятные сказки. Так что остаток путешествия провели под бременем славы – мирно и скучно.

Когда до Зириуса остался всего день плавания, Клешня пригласил нас к себе в каюту, чтобы обсудить детали второй части сделки.

– Мне нужен задаток и время, чтобы починить пробоину, запастись провиантом и нанять новых людей, – сходу высказался Бобо.

– Сколько это займет? – спросил я.

- Не меньше двух недель, сожри меня акула. Работы с пробоиной много, да и парням надо отдохнуть, развеяться, баб пощупать.

Я понимающе кивнул. После всего, что мы пережили, небольшой отдых на суше команде необходим.

Мы обсудили, как будет проходить наше путешествие после выхода из Зириуса. Спорили недолго. В цене сошлись еще давно, она осталась прежней - тысяча золотых в случае благополучного исхода нашего предприятия. Обсуждали в основном план действий.

Островов в Диком архипелаге насчитывалось одиннадцать. Мы решили, что корабль будет бросать якорь у каждого острова и ждать нас ровно две недели.

- Как вернетесь - подавайте сигнал, - сказал Клешня. - Костер там запалите или магией в воздух шарахните. Мы шлюпку спустим.

- Но нам может не хватить четырнадцати дней, - заметила Мара.

- Тут уж, леди, не моя забота, - стараясь быть вежливым, ответил Бобо. - Хоть ты и вылитая Могучая Берти, а ждать тебя ни одной лишней секундочки не буду. Клянусь кальмарьими кишками, не вернешься через две недели - подниму якорь, и бегай потом по берегу, мотай сопли на кулак. Так что, если решите задержаться на острове подольше - дело ваше. Но все равно подавайте сигнал каждые четырнадцать дней. Шлюпка придет, матросам скажете, мол, так и так, желаем еще тут появиться - и копайтесь себе на здоровье, ищите клад или что вы там ищите. Может, вас какие твари сожрут, а я все ждать буду? Нет уж, пусть будет по-моему. А не вернетесь, не просигналите вовремя - задаток мой, и я поднимаю паруса.

Мы согласились со справедливостью требований капитана, на том и сошлись. Бобо еще попытался требовать плату за пятьдесят бочек ржавки, вылитой в глотку морского чудища, но тут уж мы возмутились.

- Если тебе не нравится способ спасения ваших шкур, можешь предъявить претензии монстру. Догони его, и пусть он отрыгнет ржавку, - сказал я.

– Или ты мечтал оказаться рядом со своим другом Абером Гроком, а мы помешали? – поддержала Мара, выразительно поигрывая пятипалым. – Я могу это исправить.

Клешня был вынужден признать, что погорячился.

На следующий день «Хромая Мери» вошла в порт Юмериона – второго по размерам и богатству города, после столицы королевства Зириус.

Стоя на верхней палубе, мы наблюдали, как корабль швартуется к пирсу. С самого начала меня поразили размеры порта, он был в несколько раз больше Энифа. А сколько здесь стояло кораблей! Я попытался считать, но вскоре сбился. Такой неискушенный в морском деле путешественник как я, не мог определить виды судов, но они поражали разнообразием – от мелких рыболовных и средних торговых шхун, до величавых военных гигантов.

Первое, что бросалось в глаза – огромная разношерстная толпа. Порт был похож на муравейник, в который сунули горящую палку. К одним кораблям подвозили на телегах провизию, с других выгружали товары. На пирсы вываливали свой улов рыбаки, торговцы тут же перекладывали рыбу в большие корзины.

Повсюду были моряки – кто возвращался на суда, кто только сходил на берег. Прямо на пирсах их встречали портовые шлюхи, зазывая в дешевые кабаки, которых здесь имелось великое множество. Второе, что поразило после путешествия в тишине – гвалт, который стоял в порту. Орала все: рыбаки, пьяные матросы, грузчики и таможенники. Голоса сотен глоток сливались с шумом моря, скрипом снастей, грохотом тележных колес, рождая непривычную и неприятную для уха какофонию.

Ко всему прочему на пирсе невыносимо воняло смесью запахов пота, немых тел и гниющей рыбной требухи.

На «Хромую Мери» явились чиновники с таможенным досмотром. Все прошло гладко, несмотря на то, что у Бобо не имелось никаких документов на ржавку, перегруженную с «Челесты». Оно не удивительно: получив небольшую взятку, таможенник сказал, что не усматривает в грузе никакой опасности, и с удовольствием шлепнул печать на сопроводительные бумаги.

После того как все формальности были улажены, Клешня протянул мне свиток:

- Вот карта Юмериона. Гуляйте по городу, пейте, жрите, но через четырнадцать дней возвращайтесь.

- А куда ты посоветуешь нам сходить? - спросила Мара.

Бобо на секунду задумался, почесывая бороду, затем ответил:

- В «Синий бурдюк» не ходите.

- Там собирается местное ворье или бандиты? - поинтересовался я.

- Нет, хозяин, старый хрен, ржавку разбавляет, - выдал Клешня и сплюнул на палубу.

Мы не стали продолжать интересную беседу, молча двинулись к трапу. Там нас уже ждал Лис с дорожным мешком на плече. Втроем мы спустились и ступили на деревянный пирс. Было непривычно после качки ощущать твердую почву под ногами.

Протолкнувшись сквозь галдящую, отчаянно воняющую толпу, двинулись вглубь города по широкой дороге, которая, если верить карте, вела на рынок. Вскоре Роману остановился и заявил:

- Думаю, здесь расстанемся.

- Уверен, что не хочешь отправиться с нами? - спросила орка. - Мы не против...

- Я же обещал, что больше не выйду в море, - ответил Лис, упрямо мотнув головой. - Сыт по горло морскими приключениями. Я вор, а не охотник на чудовищ.

- Тогда до встречи! Может, еще увидимся, - сказал я, протягивая руку.

- Сомневаюсь, - ухмыльнулся Роману.

С этими словами Лис шагнул в сторону и вскоре скрылся в ближайшем переулке.

– Жаль, он был хорошим попутчиком, – произнесла Мара, глядя вслед вору.

– Ничего не поделать, у нас разные пути.

Мы снова двинулись по дороге к рынку.

Юмерион оказался красивым, светлым и довольно чистым. Архитектурой он отличался от арвалийских городов. Сложенные из крупных белокаменных глыб, дома были невысокими, имели маленькие, словно бойницы, окна и плоские крыши.

Прохожих по пути встречалось на удивление мало. Те немногие зирийцы, которых мы видели, были смуглы и темноволосы, как Роману, и наряжены в легкие цветастые одежды.

Вскоре мы поняли, почему на улицах так мало народу. Мы шли на рынок, а оказались на самой настоящей праздничной ярмарке – как говорится, с корабля на бал. Уж не знаю, к чему она была приурочена, но радости это не прибавляло. Я хотел спокойно закупить необходимые для дальнейшего путешествия вещи, а не участвовать во всеобщем веселье. Судя по недовольному лицу Мары, она полностью разделяла мое мнение.

– Что будем делать? – прокричала орка, стараясь перекрыть стоящий на площади гомон.

– Придется проталкиваться, – ответил я.

Казалось, на площади собрались все жители и гости города. В толпе можно было заметить не только людей. Встречалось немало моих сородичей, иногда мелькали коренастые фигуры гномов и низкорослые – гоблинов. Последних было даже много, сказывалась близость торфяных болот. Гоблинам попасть в Зириус гораздо проще, нежели в Арвалийскую империю. Маленький зеленый народец хорошо уживался с людьми. Благодаря своей природной ловкости, юркости и острому слуху, они легко устраивались посыльными, делали карьеру шпионов, выступали в цирке. И не только: гоблины, обученные шаманству, отлично

разбирались в травах и медицине, что давало им возможность работать лекарями в людских городах.

Единственными, кого в толпе я не наблюдал, были орки. Это и не удивительно, откуда им тут взяться? Тхар далеко от Зириуса, а обитатели степей не любят путешествовать по человеческим землям. Потому Мара стала объектом пристального внимания, люди глазели на нее, не скрывая пристального интереса.

Представления, устроенные на площади, были достойны отдельного внимания – рядом с некоторыми помостами мы даже останавливались, чтобы немного поглазеть. На одной из сцен несколько раздетых до пояса людей без всякой магии вытворяли чудные вещи: глотали огонь, выдыхали его, словно драконы, жонглировали пылающими факелами, крутили горящие шары на цепях, выполняя при этом акробатические трюки. На другом помосте несколько гоблинов разыгрывали какой-то юмористический спектакль. И судя по тому, как смеялись зрители, маленькому народцу это удавалось на славу.

Еще нам запомнился иллюзионист. Человек, несмотря на жару одетый в черный, наглухо застегнутый костюм и шляпу, показывал удивительные фокусы. Доставал из воздуха цветы, выпускал из шляпы рой бабочек. Затем поставил посреди сцены стол с горшком, и на глазах удивленной толпы вырастил небольшое дерево. Я тоже был поражен: перейдя на магическое зрение, даже проверил, не саторис ли он. Однако все, что показывал человек, было хоть и сложными, но трюками.

Последнее зрелище меня очень разозлило. На помосте выступали дрессированные животные: медведи, лисы, кошки, собаки и еще много других зверей. Бедным тварям приходилось выделять дурацкие фортели, за небольшое угощение или из страха перед кнутами, что были в руках у дрессировщиков. Долго у этой сцены я задерживаться не стал, впрочем, ее обходили все эльфы. Гоблины, которые, так же как даллирийцы, любили и уважали природу, тоже торопливо пробегали мимо. К сожалению, человеческие законы позволяют издевательство над животными, сделать я ничего не мог. Утешился тем, что незаметно швырнул в помост воздушное заклятие. Ветхая сцена медленно завалилась набок, дрессировщики с руганью принялись поправлять ее. Судя по количеству латок на помосте, здесь отметилось немало эльфийских волшебников и гоблинских шаманов.

На площади мы с оркой не нашли лавок с нужными нам вещами. Здесь продавали только сувениры, выпивку и всякие безделушки, которые разгоряченная толпа с удовольствием расхватывала. Единственное, что нам приглянулось – горячие пироги, которыми мы и перекусили.

Я сверился с картой, нашел улицу, на которой располагались более серьезные торговые лавки. Туда и пошли, пресытившись зрелищами.

Пока мы проталкивались сквозь толпу, бесцеремонно распихивая людей локтями, Мару попытался обокрасть юркий мальчишка. Но орка резко обернулась, дала ему легкий подзатыльник, отчего бедный ребенок пролетел несколько ярдов и шлепнулся на мостовую.

Наконец мы оказались на нужной улице. Дома здесь не отличались от остальных в городе, но над каждым входом покачивались вывески, изображавшие понятные любому иноземцу вещи.

Для начала, хоть я и пытался протестовать, зашли в оружейную лавку. Орка настояла на том, чтобы подобрать мне кольчугу. Мои доводы, что железяки на жарких тропических островах не нужны и даже обременительны, Мара слушать не стала. В итоге я оказался счастливым обладателем легкой стальной рубахи с короткими рукавами.

Следующей на очереди была лавка с травами. Ее хозяином оказался пожилой гоблин, с которым, зайдя внутрь, я поздоровался на его родном языке. Диалект низкорослого народца мне знаком – как любого аристократа, в детстве меня обучали множеству языков. Гоблин очень обрадовался, увидев эльфа: не каждый день попадаются знающие посетители.

Мы со стариком увлеклись, неспешно беседовали, подбирая травы, которые могли быть полезны в путешествии. Теперь недовольной выглядела Мара. Орке пришлось ждать весьма долго. Она бесцельно бродила по комнате, в которой царил полумрак, и периодически чихала от резкого запаха сушеных трав. В конце концов, я обзавелся сумкой с набором на все случаи жизни – от ингредиентов для натирания против насекомых, до сбора от насморка.

Очередным местом нашего паломничества стала лавка готового платья. Но тут мы долго не задержались. Быстро подобрали несколько комплектов одежды и

обуви: высокие кожаные сапоги, штаны и рубахи из плотной ткани, повязки на голову, шляпы для защиты от солнца. Помимо этого купили еще много необходимых в путешествии вещей: несколько мотков крепкой веревки, два масляных фонаря, огнива, походную посуду.

Когда мы уже собирались отправиться с накупленным добром на ближайший постоянный двор, мой взгляд случайно упал на вывеску с изображением раскрытой книги. Недолго думая, я направился в ее сторону. Нагруженная свертками и мешками орка (большую часть вещей тащила она) попыталась что-то возразить, но я только отмахнулся и перешагнул порог букинистической лавки.

– Добро пожаловать в «Мудрость веков», – раздался из-за прилавка звонкий голос.

Продавцом оказался совсем молодой мальчишка. Я удивленно приподнял бровь, хозяин книжной лавки представлялся мне совсем по-другому.

– Мастер ненадолго вышел, – парень правильно истолковал мое замешательство. – Чем могу помочь?

– Меня интересуют книги по магии, любых видов.

Парнишка заметно оживился и, произнеся: «Сию секунду, господин», нырнул под прилавок. Через пару мгновений он вытащил на свет несколько книг и свитков, с гордостью заявив:

– Вот они, наши сокровища.

В стопке обнаружили несколько стоящих экземпляров. Учебник по стихийному волшебству, точно такой же, как у меня, но менее потрепанный, книга по магии листвы, включающая в себя не только основы, но и сложные заклятия, несколько свитков на разных языках.

– Сколько стоит? – спросил я, указав на труды эльфийских чародеев.

– Двадцать золотых, – выпалил молодой торгаш.

- Сколько?.. - переспросил я, чуть не поперхнувшись.

Человек повторно назвал цену. За спиной тихо присвистнула орка. Книга оказалась поразительно дорогой - за такие деньги можно купить двух отличных коней. Хорошо хоть не надо было беспокоиться о размене монеты. В Зириусе, конечно, ходили деньги своей чеканки, но содержание золота в монетах было одинаковым, так что торговцы принимали их на равных условиях.

- Ну хорошо, - тяжело вздохнув, я полез в заплечную сумку, достал тугой кошель, отсчитал двадцать монет и двумя ровными столбиками положил их на прилавок.

Глаза человека загорелись при виде золота, он тут же бросился пересчитывать деньги.

- А это что? - я указал на свиток, испещренный странными загогулинами.

- Вроде какое-то описание орочьего ритуала, даже мастер не смог его перевести, - ответил парень, складывая монеты.

Я протянул свиток орке:

- Можешь прочитать?

Мара повертела пергамент в руках и вернула его мне.

- Какая-то шаманская дребедень, - сказала она, пожав плечами. - В этом не разбираюсь, но могу попробовать.

- Сколько стоит? - я сунул свиток парню под нос.

- Пять крионов, - отмахнулся он.

- Может, отдашь в придачу к книге? - спросил я, нахмурившись. - И так три шкуры с нас содрал.

Мальчишка наконец соизволил оторваться от созерцания золота, взглянул на свиток. Колебался он недолго, видимо, цену за эльфийские труды заломил достаточную, чтобы и перед хозяином отчитаться, и себя не обидеть.

– Да, можете считать это подарком, – сказал юнец, улыбнувшись, и добавил фразу, которую, видимо, было принято говорить всем покупателям в этой лавке. – Да пребудет с вами мудрость.

Ничего не ответив, я сунул покупки в сумку и вышел на улицу. Приобретение трактата о магии листвы было, несомненно, делом полезным, но настроения не прибавляло. Очень уж дорого обошлась книга. Хоть орочьи каракули выторговал, утешал я себя.

Побродив еще немного, мы направились на постоянный двор, который нам порекомендовал один из торговцев.

Двор оказался приличным и дорогим. На входе нас встретил сам хозяин. Узнав, что мы собираемся снять комнату, тут же приказал слуге отнести все наши вещи на второй этаж. На первом этаже, как и во всех подобных заведениях, находился трактир, куда мы зашли перекусить. Стены зала были разрисованы орнаментом из сказочных цветов и животных. Роспись была такой яркой, что глаза болели.

Делая заказ, мы попросили лучшие блюда этого заведения. Не могу сказать, что еда оказалась невкусной. Но в ней было чрезмерно много специй, а оформление вычурно до абсурда. Жалко было разрушать старательно выложенные на тарелках башни и завитки. Если мне все это лишь показалось странным, то для Мары ужин стал настоящим испытанием. Закончив трапезу, мы сразу поднялись в комнату.

– Как тебе Зириус? – спросил я.

– Все здесь слишком, – немного подумав, ответила орка. – Слишком жирная и острая еда, слишком сладкие сладости, слишком яркие цвета. Богатые люди одеты чересчур роскошно, до нелепости.

– Зириус полон излишеств.

– Да. Мне тяжело было привыкнуть даже к обычаям Арвальной империи, но к жизни в Зириусе я бы никогда не привыкла.

Как ни странно, я полностью разделял мнение орки. Зириус действительно был излишне претенциозен, иногда это выглядело смешно – например, расшитые драгоценными камнями парчовые одежды богатых горожан.

Отведенные нам две недели тянулись невыносимо долго. Все это время мы гуляли по городу или отдыхали на постоялом дворе, занимаясь своими делами. Орка снова и снова проверяла купленные для путешествия вещи, а я читал новую книгу о магии листвы. Она оказалась очень полезным приобретением, но ее следовало изучать долго и вдумчиво, сделать это я планировал на корабле. Иногда я рассматривал орочий свиток, покрытый забавными рисунками и непонятными загогулинами. Несколько раз пытался уговорить Мару начать перевод, но зеленая только отмахивалась от меня, говоря, что займется этим во время плавания, когда ей понадобится отвлечься от морской болезни.

Когда время безделья подошло к концу, нас чуть ли не тошнило от жаркой страны. Мы собрали вещи, покинули постоялый двор и отправились на корабль.

Когда мы прибыли в порт, матросы уже загружали на судно последние бочки и ящики. Команда, под крики капитана и боцмана, бодро готовила судно к отплытию. Примерно в полдень «Хромая Мери» вышла в открытое море и взяла курс на Дикий архипелаг.

Стоя на палубе, я наслаждался теплым солнечным днем, Мара рядом, облокотившись о борт, боролась с рвотными позывами. Эту идиллию разрушил матрос, который подбежал к нам и выпалил:

– Господин эльф... Того... Там... Чародей нам нужен, там морт в бочке!

Мы удивленно уставились на запыхавшегося, перепуганного человека. От удивления орку перестало тошнить. Бывалый моряк даже немного съежился под тяжестью наших взглядов.

– Морт в бочке? – тупо переспросил я.

– Клянусь Сиверентусом! – воскликнул человек. – Скорее в трюм, там его караулят уже!

Переглянувшись, мы с оркой молча пошли за матросом. Парень и так был на взводе, так что мы решили не нервировать его. Я не знал, что полоумная команда Клешни могла обнаружить в трюме, но присутствия нечисти на корабле не ощущалось. Мара тоже была спокойна. Скорее всего моряки перепили по жаре ржавки и приняли за морта извозившуюся в муке крысу.

Мы спустились в трюм. Все происходящее здесь выглядело нелепым спектаклем бесталанных актеров. Вокруг бочки стояли матросы с абордажными саблями в руках. Одни тихо переговаривались, другие шепотом молились кто-то осенял себя защитными знаками... Но все держали расстояние примерно в два шага от злополучной посуды.

– Вот оно, – тихо пробормотал наш провожатый. – Ворочается...

Растолкав моряков, мы с оркой подошли к бочке. Никакого ощущения опасности или магических токов от нее не исходило, однако действительно были слышны странные звуки, словно кто-то скребся изнутри. Люди напряженно застыли, наблюдая за нами и готовясь пустить в ход оружие. В трюме повисло тяжелое молчание. Неожиданно тишину разорвал истошный крик, который вскоре перешел в леденящий душу вой. Задрожав, матросы попятнулись в разные стороны.

– Знакомо звучит, не находишь? – спросила у меня орка.

– Да, теперь понятно, в чем тут дело, – ответил я. – Переверни-ка бочку.

Мара кивнула, пинком опрокинула посудину на палубу. Крышка тут же слетела, на свет выкатилось существо, которое матросы посчитали мормом. Весь липкий от пропитавшего одежду эля, облепленный грязью, соломой и ужасно воняющий, перед нами предстал Лис Роману собственной персоной. С трудом вор поднялся на ноги, обвел ошалелым взглядом всю толпу. Увидев нас, громко выругался. Затем икнул и шатающейся походкой, на подгибающихся ногах, двинулся к выходу из трюма. Матросы молча уступали ему дорогу. Все узнали вора, но от удивления не могли вымолвить ни слова. Лис вышел из трюма, мы вместе с моряками молчаливой процессией потянулись за ним.

Оказавшись на верхней палубе, Роману подошел к борту, уставился на море. Немного постояв, завыл – в его крике смешались горечь и обида. Потом вопль перешел в забористые ругательства. Выплеснув накопившееся в душе, Роману бессильно повис на бортике и принялся извергать уже содержимое желудка.

– Что это с ним? – спросила орка.

– Надышался парами эля, – ответил я. – Сейчас отрезвим.

Повинуясь движению моей руки, вода за бортом поднялась столбом и обдала Роману прохладным потоком. Не ожидавший подобного вероломства Лис плюхнулся на палубу, отплевываясь и отфыркиваясь. Морское купание пошло ему на пользу – после того как я ополоснул вора, взгляд его стал более осмысленным.

– А он точно не морт? – опасливо спросил боцман Дайф.

– Во-во, говорят, они в любого перекинуться могут, – поддержал кто-то из матросов.

Зная суеверность моряков, я сделал серьезное лицо и сказал:

– Сейчас проверю. – Немного помахав руками над головой вора и еще разок окатив его водой, заявил: – Морти от намагиченной воды тают. Раз не растаял, значит, это Лис Роману. Ручаюсь.

Мой авторитет на корабле был непререкаем, матросы успокоились. Через пару часов мы в компании протрезвевшего Лиса сидели в моей каюте. Клешня спокойно принял старого попутчика, только потребовал вполне приемлемую и справедливую компенсацию. Вору выделили сухую одежду, но он наотрез отказался переодеваться в чьем-либо присутствии. Лишь когда его оставили одного, Роману сменил мокрый вонючий костюм на чистые холщовые штаны и рубашу. Я напоил Лиса отваром от похмелья, а кок оказался настолько добр, что приготовил персонально для него горячую похлебку.

– Кто-то давал клятву никогда больше не выходить в море, – не удержался я от издевки.

Вор зло глянул на меня покрасневшими глазами, но решил не отрываться от еды и промолчал.

– Как же ты оказался на корабле? – спросила Мара.

– Для начала я должен вам кое-что показать, – сказал Лис, отставив в сторону пустую миску.

Роману покопался за пазухой и извлек на свет здоровенный зеленый камень, который при ближайшем рассмотрении оказался изумрудом идеальной огранки. Когда на него падал свет, внутри вспыхивали золотистые искорки.

– Степной изумруд... – только и смог выдавить я.

– Так вот почему ты настоял, чтобы никого не было рядом, когда ты переодевался, – сообразила Мара.

– Да, – подтвердил Лис. – Хотите, значит, знать, как я оказался на корабле? Моя бы воля, и ноги б моей здесь не было. Но Лак-ха повернулась ко мне уродливой стороной...

За эти две недели я многое успел сделать. Точнее, подготовился и совершил кражу века. Мой план был идеален. Еще в Арвалийской империи до меня дошли слухи, что Степной изумруд всплыл в Юмерионе, самом крупном порту Зириуса. Наместнику города камень достался, как приданое за невестой из одного очень знатного и богатого рода.

Но у меня не было денег на путешествие в такую далекую страну. Представьте себе, как я обрадовался, узнав, куда вы направляетесь. Конечно, я сразу согласился поехать в Зириус!

– Помню, – кивнула орка. – А еще помню, как ты реагировал на легенду о Степном изумруде, рассказанную Лэем.

– Еще бы, – ухмыльнулся Роману. – Слишком много думал о камне, вот и ляпнул сгоряча, сравнил тебя с ним. Хотел разговор перевести, а ушастый тут как тут с рассказами... Да, не перебивайте меня. Прибыл я на место, поднял кое-какие

старые связи, познакомился с нужными людьми. Мне быстро удалось раздобыть план дома наместника, расписание патрулей стражи, изучить привычки хозяина. На это и еще на новое снаряжение я потратил практически все деньги, что у меня были.

И вот в эту ночь я прокрался в дом наместника, обошел все препятствия, без труда добрался до сокровищницы. Там мне пришлось попотеть, чтобы обезвредить все ловушки и вскрыть сложнейшие замки, с которыми я когда-либо сталкивался. Это было настоящим испытанием для моего таланта. Но я смог, и наградой оказался Степной изумруд!

Добыв камень, стал выбираться из дома. Все шло по плану. И тут... надо же такому случиться! В одном из коридоров я нос к носу столкнулся со слугой, который нес кувшин, наполненный ароматическим маслом. Представляете? Парень дернулся от неожиданности, почти все содержимое посуды выплеснулось на меня. Я отскочил назад, хотел было дать пареньку в челюсть, чтобы потерял сознание и не поднял шум. Но поскользнулся на масле, которое разлилось не только по мне, но и по полу. Ноги разъехались – все, думаю, сейчас рухну, буду извиваться, как червяк – тут меня охранники и возьмут тепленьким. Раскорячился из последних сил, стараясь удержать равновесие, попятился... Но на беду, за спиной оказалось открытое окно. Какое уж тут равновесие? Я полетел вниз. Так бы и разбился, не окажись под окном телега, доверху наполненная соломой. Выбравшись из нее, тут же бросился бежать. О скрытности уже не беспокоился, не до того было. Слуга наместника забил тревогу, охрана сразу обнаружила пропажу изумруда, и по моим следам пустили погоню.

Мы с Марой молча переглядывались, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос. Уж больно забавная представлялась картинка: обмазанный маслом, облепленный соломой Лис, улепетывающий по узким улочкам и скользящий на камнях. Теперь, когда друг находился рядом, а все его беды миновали, можно было и повеселиться над его приключениями. Роману тем временем продолжал:

– Не знаю, сколько людей служит в личной охране наместника, но их хватило, чтобы полночи гонять меня по всему городу. Приходилось петлять как бешеному зайцу, а иногда прятаться, зарывшись по макушку в отбросы и пережидать, когда погоня удалится. Ближе к рассвету в одном из дворов я наткнулся на крытую повозку, которую загружали какими-то бочками. Подождав, когда

рабочие закончат, залез под полог, рассудив, что груз куда-нибудь да вывезут. Но чтобы меня не обнаружили сами грузчики, решил забраться в одну из бочек – для этого продырявил ее ножом, подождал, пока часть жидкости вытечет, затем пробил крышку, чтобы не задохнуться, и залез внутрь. Как назло, в бочке оказался эль. Я хотел немного отсидеться и покинуть город. Но напиток оказался коварным: надышавшись паров, незаметно для себя я уснул. А дальше, вы уже все зна... видели.

Роману договорил, с обожанием уставился на изумруд и принялся его легонько поглаживать, словно любимого котенка.

– И все это ради какого-то камня? – удивилась орка.

– Ты не понимаешь! У меня вышло то, чего не удавалось ни одному вору на протяжении многих лет! Я войду в историю как первый, кто сумел украсть Степной изумруд! – с жаром проговорил Роману. – Я опроверг легенду, которая гласила, что это невозможно!

Не зная, что на это ответить, мы просто замолчали. Нам ничего не оставалось, как наблюдать за Лисом, который с безумным блеском в глазах ласкал изумруд, что-то тихонько нашептывая.

Мара

Два месяца мы болтались в море, и скажу прямо: это было не самое лучшее время в моей жизни. Перед приходом в Юмерион мне показалось, что я смогла справиться с морской болезнью. Ничего подобного: после выхода из порта все повторилось. Даже в тихую погоду я мучилась от тошноты. За время плавания «Хромая Мери» дважды попадала в шторм, что стало жесточайшим испытанием для моего желудка. Но ко всему можно привыкнуть, и во второй половине путешествия мне все же немного полегчало.

Все дни плавания были похожи друг на друга, различаясь только силой качки. Команда нас побаивалась, и Лэю ничего не оставалось, кроме как проводить время за чтением книг – старой, по стихийному волшебству, и новой,

эльфийской, по магии листвы.

Я с самого начала не стремилась к общению с моряками, одиночество меня не тяготило. Поэтому с удовольствием целыми днями занималась бы тренировками по состоянию раш-и. Но мой ушастый приятель рассудил иначе.

Любознательному эльфу очень хотелось узнать, что написано в орочьей свитке. Поэтому Лэй дожимал меня просьбами перевести старинную грамоту на всеобщий.

Чтение никогда не увлекало меня, а уж разбирать шаманские каракули давно не хотелось.

- Ты пойми, - пыталась я объяснить, - орочья письменность очень отличается от любой другой.

- Да уж вижу, - кивал друг, отчего длинные уши упрямо подрагивали. - Такие смешные закорючки!

Я предприняла еще одну попытку достучаться до настырного создания:

- Дело не в том, что они смешные. Орки пишут не так, как эльфы, допустим. Вот у вас есть буквы, из них складываются слова, правильно?

- Ну да.

- А у нас знаковое письмо. Есть множество значков, каждый из которых обозначает слово.

- Свой значок на каждое слово? - поразился ушастик. - Даже не знаю, что и подумать: то ли у орков очень богатая письменность, то ли очень бедный словарный запас...

Не реагируя на колкость, я продолжила объяснения:

- Например, возьмем это предложение из свитка, видишь? Косые черточки означают конец фразы. Здесь три слова.

- Так читай уже, не томи!

- Первый значок означает слово сидеть, второй – собака, третий – огонь.

Эльф вытаращил глаза, так что его удивленная физиономия напомнила мне морду енота:

- Сидит собака в огне? Что за бред?

- А сейчас начинается самое сложное. В нашей письменности нет никаких указаний на то, как надо читать знаки. «Сидеть» может читаться и как «сидит», и как «сесть», и в любом другом варианте.

- Как же вы разбираетесь?

- Обычно если знак, указывающий на действие, стоит на первом месте, он читается как указание. Скорее всего это «посади».

- Посади собаку в огонь? Замечательно! – фыркнул эльф. – Видимо, я приобрел старинную кулинарную книгу орков, а в ней есть рецепт запекания собаки. Или, может, это описание древних ритуалов? Жертвоприношение несчастного пса кровожадным орочьим богам?

- Не болтай ерунды! Мы не едим собак и не приносим их в жертву! Собака и лошадь – друзья орка!

- Ладно, – махнул рукой Лэй. – Переводи дальше.

- Посади лошадь в огонь... А может, огонь в лошадь? Омой кулак в крови...

- Оно и видно, какова настоящая орочья дружба, – кротко заметил ушастик, состроив ханжескую гримасу. – Бедные славные лошадки...

Я заскрипела зубами:

- Все, хватит! Переводи сам, если тебе так хочется!

Лэй тут же сменил тактику:

– Ну, Мара, – занял он. – Ну, ты же понимаешь: мы идем спасать мир. Нас ждут страшные испытания, ужасные монстры и жу-уткие опасности. На Диких островах все пригодится! Ты сама говоришь, что это шаманский свиток. А вдруг там схема заклинания, которое нам когда-нибудь поможет?

В словах мальчишки был резон. Я сменила гнев на милость:

– В том-то и дело, что это шаманский свиток. Если бы ты меньше паясничал и не перебивал меня, уже понял бы кое-что. Шаманы имеют обыкновение зашифровывать свои записи.

– То есть собака – это не собака?

– Может, и не собака, – вздохнула я. – А например, собачья шерсть. Или коготь. А может, все-таки собака. Или какая-нибудь травка, которая у шаманов записывается знаком собаки.

– И ты, разумеется, не знаешь шаманских обозначений, – Лэй не спрашивал, он утверждал.

– Теперь понимаешь, что переводить свиток бесполезно?

– Нет, ты уж переведи на всеобщий, а я потом подумаю...

Я вздохнула: придется. Сама виновата, нечего было еще в Юмерионе давать опрометчивые обещания. Правда, сроков мы не оговаривали... Решив немного схитрить и переводить в день по паре строчек, а остальное время посвятить тренировкам, я кивнула.

Не тут-то было: Лэй взялся за меня всерьез. С самого утра мальчишка являлся в мою каюту и залегал в соседний гамак с эльфийской книжкой, каждые полчаса сахарным голосом напоминая, что необходимо работать. Если я долго не приступала к переводу, ушастик начинал устраивать неприятные сюрпризы. Он создавал из ниоткуда надоедливую мошку, которая больно кусалась, потом истаивала в воздухе. Заставлял мой гамак покрываться веселыми голубыми

цветочками, важно объясняя, что койка сделана изо льна, стало быть, ничего удивительного в этом явлении нет. Никакие тычки и пинки не помогали. Я вышвыривала хулигана из каюты, но эльф выжидал некоторое время, а когда я успокаивалась, возвращался и снова нудел противным голосом: «пора трудиться...»

Однажды ночью из-за сильной качки у меня случилось обострение морской болезни. Всю ночь я промучилась тошнотой, уснула уже под утро и не услышала, как ушастый злодей пробрался в каюту. Лэй попытался было растолкать меня. Отмахнувшись так, что мальчишка вышиб спиной дверь и улетел в коридор, я снова погрузилась в сон.

Очнулась уже к полудню. Пробуждение было не из приятных. Почему-то чесался подбородок. Я коснулась лица рукой, от ужаса подпрыгнула и чуть не вывалилась из гамака. Ладонь ощутила жесткие густые волосы. Скосив глаза, я увидела, что на грудь спускается роскошная черная борода.

– На этот раз ты перестарался, – прорычала я, хватая мальчишку за шиворот.

– Мара, Мара, успокойся! – торопливо выкрикнул ушан. – Если ты меня убьешь, некому будет снять заклинание! Так и останешься бородатой...

– Не убью, только покалечу, – мстительно пообещала я. – Руки не трону, голову тоже. Сплетешь что-нибудь...

Не успела я разделаться со злокозненным Лэем, как почувствовала, что зуд прекратился: борода исчезла, будто ее не было!

– Опять со стабилизацией напутал, – огорчился мальчишка. – Ну ничего, в другой раз...

Я разозлилась еще сильнее:

– Значит, ты умеешь выращивать волосы! Какого морта я тогда до сих пор лысая?

– Ты не лысая! – протестовал ушастик, болтаясь в моей руке. – Ты уже коротко стриженная!

Действительно, со времени ограбления ростовщика в Гемме, когда мне для маскировки пришлось обрить голову, волосы отросли и уже прикрывали уши. Но все равно я чувствовала себя лысой. Это не женское тщеславие, орочьему воину волосы важнее, чем девушке на выданье: они символизируют силу и являются чем-то вроде амулета. Мы верим, что длинные волосы защищают от дурного глаза. А теперь вот оказалось, что я все это время страдала напрасно: Лэй мог одним заклинанием вернуть мне утраченное!

– Я только что научился этим чарам! – пищал мальчишка, пытаюсь достать ногами до палубы. – Вернее, и не научился еще. Это ж магия жизни, зеленая! Тонкая материя, понимать надо...

Я разжала пальцы, Лэй грохнулся на палубу.

– Значит, учись быстрее. Вырастишь мне нормальные волосы.

Ушастик попытался было возразить:

– Зачем такая грива на островах? Там жарко, мыться негде. В твою прическу набьются мухи, а еще будешь ею цепляться за ветки...

– Отлично, убедил. Тогда обреем налысо и тебя, – я многозначительно покрутила охотничьим ножом в опасной близости от головы Лэя.

– Ладно уж, выращу, – он тут же пошел на попятную. – Но только когда переведешь весь свиток.

Ни угрозы, ни просьбы на моего ушастого друга не подействовали. Пришлось соглашаться на сделку. Теперь все дни мы проводили, валяясь в гамаках. Лэй тихо бубнил заклинания, а я переводила мортовы письма, тихо зверея от красной травы, птиц с синими руками и детей ростом с сосну, которых предлагалось утопить в ручье. Я ничего не понимала в этом бреде, но старательно записывала его. К безумным фразам прилагались еще и странные картинки. Рассмотрев их, эльф сказал, что это схемы, которые положено

рисовать на земле при шаманских ритуалах.

Лис Роману тоже целыми днями не выходил из своей каюты. Только в отличие от нас, вор ничем особенным не занимался. Он просто сидел в углу, держа на ладони камень, и любовался игрой золотых искорок в его гранях. Роману и раньше было довольно замкнут, но теперь сделался угрюмым. Нас он еще кое-как терпел, а вот моряков видеть не желал. Лису все время казалось, что люди покушаются на его сокровище.

– Может такое быть, чтобы камень влиял на его характер? – спрашивала я у Лэя. – Этак он скоро превратится в злобного, жадного, подозрительного старика.

– Вряд ли, – отвечал ушастик. – Никогда не слышал о таком. Даже если Степной изумруд – могущественный артефакт, что, скорее всего, так и есть, то он может быть заряжен либо созидательной энергией, либо разрушительной.

– Вот и разрушает... Может, он так мстит своему похитителю?

– Ни один артефакт не способен поменять характер человека. К тому же, вспомни, Мара, что говорит легенда. Степной изумруд созидателен, он дарит счастье. А Роману просто дуреет от жадности. Это ведь настоящее сокровище, даже если не учитывать его магические свойства.

Вот так проходило наше путешествие. А едва я привыкла к морю и перестала страдать тошнотой, плавание подошло к концу.

– Земля справа по курсу! – ранним утром закричал с мачты впередсмотрящий.

– Смотрите, гнилушки сухопутные! Вот они, ваши Дикие острова! – прохрипел Клешня, указывая на черные точки у горизонта.

Точки быстро приближались, меняли цвет, вскоре они превратились в покрытые буйной растительностью холмы, вздымающиеся прямо из моря. Над островами вставал алый рассвет, и на мгновение мне показалось, что Дикий архипелаг залит кровью.

– Да, что-то не вдохновляет меня это место, – пробормотал ушастик.

Я промолчала. Толку-то плакаться?

– Ну что, нелюди, на каком острове вас высадить? – осведомился Бобо.

– Все равно. Давай хоть вот этот, – Лэй ткнул пальцев в ближайший кусок суши.

– Сладкий остров, – сверившись с картой, сказал капитан.

– Почему сладкий? – подозрительно переспросил ушастик.

– Вот уж не знаю, – захохотал Клешня. – Может, вам сладкую жизнь там устроят, а может, сами для кого-то сладкой добычей станете...

«Хромая Мери» обогнула остров с юга и бросила якорь в небольшой бухте, в полумиле от берега.

Мы спустились в каюту, взяли оружие, заранее собранные вещевые мешки, сумки с провизией, и устроились в шлюпке, где уже сидели четверо гребцов.

– Вот что, господин эльф и леди орка, – торжественно произнес Бобо. – Хоть вы и нелюди, но ребята хорошие. Жаль будет, если вас сожрут. Удачи вам. Ровно через две недели во-о-он на том мысе костер разведите. Если раньше надумаете на корабль вернуться, сигнальте так же. Заберем.

За всю прочувствованную речь капитан даже ни разу не выругался – видно, действительно растрогался.

– Ну... храни вас Сиверентус и ваши идолы поганые, или кому вы там поклоняетесь... – Клешня взмахнул рукой. – Шлюпку на воду!

Матросы взялись за канаты, лодчонка медленно поехала вниз, как вдруг раздался громкий возмущенный вопль:

– Вы куда? А я как же?!

Лис Роману швырнул дорожный мешок, который упал прямо мне под ноги. Моряки от удивления забыли стравливать канаты, и вор, воспользовавшись тем, что шлюпка зависла недалеко от борта, сам прыгнул вслед за мешком. Шлюпка покачнулась, заскрипели тали.

– Ты что творишь? Чуть всех не убил! – крикнул эльф.

Гребцы поддержали Лэя сдержанной руганью. Роману словно бы не услышал. Он смотрел на нас глазами, полными упрека. Выражение лица вора словно говорило: «Как вы могли бросить меня здесь? Предатели!»

– И куда ты поперся? – продолжал распекать его ушастик. – Представляешь себе, как опасно на островах? Ты... сам знаешь кто, а не искатель приключений! Вот чего, спрашивается, тебе на корабле не сиделось?

Днище шлюпки коснулось воды, но гребцы не торопились работать веслами, ожидая, что мы решим.

– Ну что, забираете оглашенного? – спросил Клешня, перевесившись через борт. – Или шторм-трап сбросить, пусть обратно ползет?

Мы с Лэем переглянулись. С одной стороны, Лис всегда был полезным попутчиком и хорошим товарищем, хоть странностей у него имелось множество. С другой – больно уж он изменился за последнее время.

– Не пойду назад! – заблажил вор. – Не останусь с этими...

– Что ты имеешь против команды? – вздохнул ушастик. – Кажется, они еще ни разу никого не обидели.

– Они меня ограбить хотят! – заявил Роману, смерив гребцов подозрительным взглядом.

Моряки только сплюнули. Никто из них не знал о Степном изумруде, Лис прятал камень ото всех. Правильно, конечно. Люди Клешни далеко не образчики благочестия, зачем искушать их таким сокровищем? Только вот подозрения вора выглядели смешными.

– Как по мне, – крикнул Бобо, – пусть идет на острова! Остормортел уже своими выходками! Может, прибьет его там кто-нибудь, не придется моим ребятам руки марать!

– Вот видите, видите? – зашептал Роману. – Это заговор!

Мы с Лэем еще раз посмотрели друг другу в глаза и чуть ли не хором сказали:

– Он с нами.

Негоже бросать товарища, даже если с ним происходит что-то не то... Особенно, если происходит.

– Но только с одним условием: ты держишь язык за зубами и не лезешь в наши дела, – добавил ушастик.

Лис торопливо закивал, заранее соглашаясь с любыми условиями.

– Теперь нас во всех грехах подозревать будет. Больше-то некого, – шепнул мне эльф.

Лицо Роману выразило облегчение, как, впрочем, и физиономии моряков. Гребцы взмахнули веслами – шлюпка понесла нас прочь от корабля, который теперь казался таким безопасным и надежным по сравнению с тем, что ждало нас впереди...

Вскоре мы подошли к Сладкому острову.

– Красота какая... – пробормотал эльф.

Синие волны прибоя разбивались о желтый песчаный берег, рассыпались белоснежной пеной. В десятке ярдов от воды зеленым ковром расстился невысокий кустарник, дальше начинался лес. Утренний Атик лил розовые лучи с чистого, ярко-голубого неба. Из-за всего этого разноцветия остров казался неопасным и приветливым. Даже Лис на мгновение забыл воображаемых врагов и залюбовался открывшейся нам картиной.

Моряки не разделили нашего восторга. Едва мы выпрыгнули из шлюпки и побрели к берегу по пояс в воде, матросы, осенив себя защитными знаками, быстренько погребли обратно.

Выбравшись на сушу, Лэй достал из мешка свиток, который оказался картой Дикого архипелага.

– Вот, приобрел по случаю еще в Энифе, у контрабандистов.

– А чего такая потертая? – поморщился Роману. – Да еще нарисована как-то криво...

– Зато самая точная, – парировал ушастик. – Официальных карт Дикого архипелага просто не существует. К нему ведь никто не ходит, кроме тех же контрабандистов и пиратов.

– Сладкий остров, – с трудом разобрала я кривую надпись. – А почему на нем ничего не обозначено? Где тут лес, река, озеро – хоть что-то?

– Не изучен, – пожал плечами Лэй. – Не высаживаются на нем люди. Береговую линию прорисовали, и на том спасибо.

– Погоди-погоди... – чем больше я разглядывала карту, тем удивительнее она мне казалась. – Так выходит, ни один из островов не изучен, что ли? Нигде нет никаких обозначений. Хотя вот...

На одном из островов красовалось изображение черепа. Подпись гласила: «Тихий». Вообще, все названия островов радовали глаз: Прохладный, Прекрасный, Веселый...

– Такое чувство, что в благословенный край попали, – хмыкнул Роману. – Непонятно только, чего все бегут от этой благодати. А еще непонятнее, зачем вы-то сюда явились...

Я укоризненно покачала головой, напоминая вору о его обещании. Лис надулся, замолчал, ощупывая рубаху на груди. Очевидно, там, в каком-нибудь потайном кармане, у самого сердца хранился Степной изумруд.

– Как остров обследовать будем? – деловито спросил ушастик.

Я задумалась. В самом деле, как? И главное, что искать? По каким признакам? Тяжесть задачи, навязанной богами, встала перед нами во всей красе. Дорога к Дикому архипелагу была такой трудной и долгой, что во время нее не хватало ни времени, ни сил, чтобы всерьез поразмыслить о конечной цели. Казалось, главное, добраться, а потом уж по обстоятельствам сориентируемся. Но вот мы здесь. И что?

Мы не знаем, что искать. Могущественный артефакт, сказали боги. Но после занятий с Атиусом, да поразит лишай эту подлую росомаху, я отлично понимала: артефактом может оказаться все, что угодно – украшение, любой предмет, дерево... Да хоть трухлявая колода! Кроме того, белобрысый маг упоминал о случаях, когда свойства артефактов закладывались в животных, птиц, даже в разумных существ. Правда, такое могли проделать только очень могущественные маги, но здесь-то речь шла о самих богах!

Мало того что нам неизвестно, как выглядит этот самый предмет (если это предмет), так еще нет ни малейшего представления о том, где он должен находиться! Ладно, пусть не знаем, на каком из островов. Но нет ни единого ориентира на местонахождение артефакта в принципе! То ли штука закопана в земле, то ли висит на дереве. Может, валяется на поверхности, а может, затоплена у берега, скрыта под толщей воды и песка. Или не у берега, а вообще морт знает на какой глубине. О последнем даже думать не хотелось. Боги сказали, что магический предмет упал с неба во время битвы. Что, если он и впрямь рухнул в море?

Судя по лицу ушастика, тот тоже был озадачен. Покосившись на Роману, эльф медленно проговорил:

– Она сказала, я почувствую, когда буду рядом. И сам пойму, что надо делать...

Да, это была единственная зацепка. Тир-Белион тоже говорил нечто подобное. Лис насторожился, с интересом прислушиваясь к нашему диалогу, а я махнула рукой:

– Тогда все равно, куда идти.

Чутье на магию было единственной нашей надеждой.

– Предлагаю действовать, как большинство исследователей. Пересечем остров посередине. Мы сейчас... – эльф покрутил головой, – на западной оконечности. Вот и пойдем с запада на восток. Дальше подумаем, – Лэй поправил мешки на плечах и двинулся вперед.

Атик между тем забирался все выше по небосклону, его лучи стали припекать голову даже сквозь платок. Поэтому, оказавшись под защитой густых крон деревьев, я облегченно вздохнула. Ответом мне прозвучал вздох Лэя, только в нем звучало изумление и восхищение.

– Вы это видите? – благоговейно прошептал мальчишка. – Вы когда-нибудь могли хотя бы представить себе такое?..

Лес был... странным. Не таким, к какому я привыкла. Ятунхейм, что рядом с Т'харом – это суровые сосны и благородный тис, голубой лишайник и болотный мох, густой папоротник, обглоданный ветрами бурелом и узкие звериные тропы, по которым пробираются ятуны. Лес в Арвальной империи – это трепещущие осины, стройные березы и пышная трава. Я не была на родине Лэя, но наверное, Даллирия прекрасна и волшебна.

То, что нас окружало, даже отдаленно не походило ни на один из этих лесов. Прямые стволы деревьев ровными стрелами устремлялись вверх. На них не было ветвей, лишь высоко, под самым небом, колыхался веер огромных листьев.

Над островом пронесся порыв ветра, веера заколыхались, я бросила взгляд вверх и оттолкнула Роману с Лэем.

– Берегись!

Что-то тяжелое пронеслось мимо, упало, взрыв землю, совсем рядом с нами. Оно было синее, похожее на камень, величиной с два моих кулака. Ушастик осторожно присел, коснулся предмета кончиками пальцев, потом с восторгом воскликнул:

– Удивительно! Это плод!

Мальчишка подошел к дереву, приложил к нему ладонь, на мгновение зажмурился, прислушался к чему-то, потом торжественно сообщил:

– Дерево дарит нам свой плод. Говорит, он неопасен, – и сунул синий камень в свой мешок.

– Неопасен... Нас, между прочим, чуть не убило этим плодом, – бормотал Роману, когда мы двинулись дальше. – Вот Мара, как у вас поступают с теми, кто разговаривает с деревьями?

Я пожала плечами, хотя ответ напрашивался сам собой. Такие странности позволены разве что Одноглазому Улафу, которого все боятся, да Гунвальду, великому мастеру, который делает лучшие луки во всем Т'харе. Любого другого, наверное, сочли бы безумцем.

– У нас таких в скорбном доме закрывают, – сказал Лис. – Но то эльфы, им все можно...

Между тем Лэй продолжал восхищаться лесом. Посмотреть в нем было на что. Одних деревьев огромное множество. Помимо тех, что швырялись синими плодами, здесь росли настоящие исполины – с разлапистыми ветвями, кряжистые, не меньше десяти обхватов толщиной, и такие высокие, что макушки не разглядеть. Наши двухсотлетние дубы по сравнению с этими махинами казались бы просто крошечными. Эльф подбегал к ним, прижимался щекой, что-то шептал – разговаривал. Он и правда был похож на безумца, но я не волновалась, понимая: такое зрелище способно на время свести с ума любого ушастого.

Сидевшие на ветвях пестрые птицы при виде нас орали так, что уши закладывало. От благоухания цветов, которые здесь были везде, начинало тошнить. А доносившиеся из кустов звуки недвусмысленно намекали на присутствие животных. Конечно, мне хотелось надеяться, что все они безобидные и едят только травку, но оружие я держала наготове. А уж если вспомнить о том, что пауки-трупоеды родом с Дикого архипелага...

Но при всем восторге здешней природой Лэй не терял осторожности. То и дело я замечала, как он по-особенному вытягивает руку, готовясь создать огненный шар, потом, убедившись, что опасности нет, продолжает изучение деревьев и

кустов.

– Здесь удивительные духи! – сказал мальчишка. – Они очень дружелюбны, охотно разговаривают с теми, кто способен их слышать. Какие чудесные истории они рассказывают!

– Так спроси их про... – я хотела было произнести слово «артефакт», но увидела, как насторожился вор, и вовремя исправилась: – ты знаешь, про что.

– Духи природы не интересуются такой ерундой! – оскорбился Лэй. – Они замечают только живое. И даже если видели... ты знаешь, что – тут же про него забыли.

– Тогда что же они тебе такого интересного рассказали?

– Во-о-н на том дереве у пары попугаев вылупились птенцы, – умильно сообщил ушастик. – Малыши все здоровенькие и горластые, родители довольны. В десятке ярдов отсюда зацвел молодой куст синего шиповника, рядом с ним распустилась радужная орхидея. А в корнях вон того дерева есть нора, в ней живут ырсуки.

Роману опасно покосился туда, куда указывала рука эльфа, а я переспросила:

– Барсуки?

– Нет, ырсуки. Это такие мелкие хищники с носами, похожими на свиной пяточок. А вчера, – голос Лэя исполнился трагизма, – в семействе ырсуков умерла престарелая любимая тетушка.

Лис тихо прыснул со смеху. Я тоже едва сдерживала улыбку. Только эльф может принимать жизнь зверей так близко к сердцу.

– Хорошо, о том... ну, ты знаешь, о чем, духов спрашивать нельзя. Но ты можешь хотя бы узнать, водятся ли на этом острове пауки-трупоеды?

Лэй задумался, потом выдал:

– Можно попробовать, конечно. Только маленькие лесные духи ведь разговаривают не так, как мы. Они мысленно передают череду образов. Учитывая, что они видят мир не так, как мы, уловить и расшифровать в этом потоке нужную картинку очень трудно. А уж правильно передать духам образ – и того сложнее. Но я попробую.

На лице мальчишки появилось выражение крайней сосредоточенности – видимо, он беседовал с духами. Некоторое время спустя Лэй произнес:

– Вроде бы трупоедов они не помнят. Если я правильно понял, конечно. Говорят, таких пауков нет, зато пчелы и муравьи есть.

– Удивили, – сердито фыркнул Лис. – Муравьи и пчелы везде есть...

– По-моему, эти духи совсем никчемные, – поддержала я.

Лэй оскорбился и больше не переводил нам разговоры с духами, наслаждался беседой один. Не забывая, впрочем, осматриваться по сторонам и держа наготове защитные заклинания.

Но ничего особенного не происходило. Мы шли целый день, два раза останавливались на отдых. Когда Атик спрятался и лес наполнился тенями, встали на ночевку под большим раскидистым деревом. Лэй сообщил, что дух, который здесь живет, не против нашего присутствия. Правда, костер пришлось разводить подальше от дерева, поскольку его обитатель боялся огня.

Перекусили лепешками и солониной, запили их водой из чистого ручейка. Бросили жребий: первой дежурить выпало мне.

Я устроилась у костра, вслушиваясь в звуки ночного леса. Лэй свернулся клубочком между корнями дерева, которые мощными щупальцами выступали из земли. Физиономия у эльфа была самая довольная.

Неподалеку устроился Роману – с таким же блаженным выражением лица. Вор достал свой заветный камешек, о встрече с которым, наверное, мечтал весь день, и теперь поворачивал его так и сяк, разглядывая блики от костра на гранях.

Лис долго еще любовался изумрудом, но наконец усталость взяла свое. Он сунул камень за пазуху, на прощание окинул меня подозрительным взглядом и погрузился в сон.

Я задумалась, глядя на костер, и очень удивилась, когда Лэй, вдруг поднявшись на ноги, совсем не сонным голосом прошептал:

– Готов?

Он подобрался к Роману, помахал рукой перед его лицом. Вор никак не отреагировал.

– Готов, – заключил ушастик, усаживаясь у костра. – Я уже заждался. При нем говорить совершенно невозможно.

Видно, Лэя, так же как меня, тревожила неопределенность нашей миссии. Вот ему и хотелось обсудить ее, отвести душу.

– Я что думаю, – начал он, – как мы определим, что артефакт рядом?

Я пожала плечами:

– По идее, должны уловить исходящие от него токи. Ты маг, я антимаг. Как-нибудь справимся.

– Боги не говорили такого, – упорствовал эльф. – Они сказали, что мы сами почувствуем и поймем. Артефакт – штука непростая. Далеко не все они излучают магическую энергию в чистом виде, иначе их слишком легко было бы распознавать. А этот еще и божественного происхождения.

– Ну а что тогда мы должны почувствовать?

– Да морт его знает! Может, сны будут странные сниться. А может, плохо станет. Может, эйфория накатит или, прости за подробность, понос прохватит. Вот я и думаю, как понять: знак это или обычное несварение...

– Вы что это там замышляете?..

Увлеченные беседой, мы не заметили, как проснулся Роману. Вор тут же схватился за грудь, как будто у него заболело сердце. Убедившись в том, что камень никуда не исчез, Лис уставился на нас подозрительным взглядом.

– Ладно, ложись, – сказал мне Лэй. – Моя очередь дежурить.

Роману долго еще ворочался, бурчал что-то о заговорах, но я не дослушала и уснула.

Наутро Лис не успокоился. Не знаю уж, что происходило в его голове, но он бубнил без умолку. Вроде бы ничего плохого не говорил, но в речах проскальзывал явный намек на то, что мы с Лэем вступили в заговор. Ушастик не обращал на этот бубнеж никакого внимания. Вообще, с самого утра эльф был очень сосредоточен и серьезен. Только однажды, когда бурчание Роману стало слишком навязчивым, Лэй прикрикнул:

– Замолчи! Слушать мешаешь!

К полудню мальчишка сообщил:

– Духи говорят, мы примерно в центре острова.

Этот самый центр острова мне не нравился. Здесь царила тяжелая тишина – ни щебета, ни шороха, как будто исчезли все птицы и зверьки. Вскоре я уловила тихое монотонное гудение. Покрутив головой, определила: оно исходило из огромных серых мешков, которые висели на ветвях деревьев на высоте в два моих роста. Судя по озабоченному взгляду эльфа, он тоже был не в восторге – то ли от звука, то ли от сказанного духами. Не успела я переспросить, что еще он узнал, Роману сердито воскликнул:

– Это еще надо разобраться, с кем ты там шушукаешься! И о чем...

В ответ на его восклицание мешки загудели громче.

– Заткнись, идиот, – прошептал Лэй. – Зря мы тебя взяли. Но ничего, в следующий раз останешься на корабле...

Лис злобно прищурился и замолчал. Подобрал с земли камешек и принялся подкидывать его в ладони.

- Будьте осторожны, - сказал ушастик. - Духи говорят...

Он не успел закончить фразу. Роману не глядя подбросил камешек и попал в один из серых мешков. Тут же гудение зазвучало злобно-угрожающе, а из мешка медленно потянулось что-то черное, похожее то ли на щупальце, то ли на струйку густого дыма. Извиваясь, оно выбралось наружу, свернулось в бесформенный ком, повисело в воздухе, потом растянулось над нашими головами широким черным покрывалом. Гудение стало оглушительным, рой скрутился яростным вихрем и с безумной скоростью устремился к нам.

- Бежим! - заорал ушастик, швыряя в пчел огненный шар.

Глава 2

Лэй

Пчелы разлетелись в стороны, огибая пульсар, но спаслись не все, и в траву осыпался черный пепел, оставшийся от тел насекомых. Это дало нам пару драгоценных секунд, чтобы вырваться вперед. Рой снова соединился в гневно гудящее облако и устремился за нами.

Мы понеслись, не разбирая дороги, словно обезумевшие звери от огня. Если я еще умудрялся худо-бедно лавировать между деревьями, то моим спутникам приходилось тяжело. Они спотыкались, ударялись о стволы, ветви кустарников царапали их лица, выдирали клочья волос. Лис даже один раз упал, пчелы тут же набросились на беззащитного вора, но мне вовремя удалось создать фонтан воды и отогнать их. Промокший до нитки Роману тут же вскочил на ноги, бросился бежать. Потревоженные шумом и нашей неуклюжестью, к погоне присоединялись все новые рои - почти на каждом дереве висело пчелиное жилище. Периодически я останавливался на миг, чтобы швырнуть в

преследователей очередное заклятье: фонтан воды, поток сильного ветра или огненный шар. Самым действенным средством оказалась вода. Намокшие насекомые падали на землю и не могли больше нас преследовать. Но огромную черную тучу это не останавливало, только задерживало на короткие мгновения.

– Ты что, не можешь с ними договориться?! – прокричала на бегу Мара.

– Разъяренных пчел уже ничто не остановит! – ответил я, прибавив ходу.

– Заткнитесь и бегите! – крикнул Лис, обгоняя нас.

Лицо вора опухло от множества укусов. Все-таки некоторые пчелы успели до него добраться.

Через какое-то время мы начали выдыхаться. Точнее, устали я и Лис – орка, судя по ее виду, могла бежать в том же темпе еще долгое время. Неизвестно, сколько бы мы еще протянули, но капризная Лак-ха преподнесла новый сюрприз. На полном ходу мы вылетели на небольшую открытую поляну, и столкнулись с вереницей странных муравьев. Каждый из них был размером с небольшую собаку. Насекомые будто ждали нас. Несколько муравьев развернулись в нашу сторону, дружно плюнули какой-то вонючей гадостью. Подлые твари оказались меткими: тонкие струйки резко пахнущего вещества попали на лицо, растеклись по одежде. От неожиданности мы остановились.

Рой, почти догнав нас, повел себя странно. Пчелы покружили над нашими головами и полетели обратно, в сторону своих жилищ. Ни одна даже не попыталась нас укусить.

– Кажется, они испугались запаха той гадости, которой в нас плюнули, – предположил я.

– Получается, эти маленькие трудяги – наши спасители? – спросила Мара, указывая на муравьев.

Те даже не пошевелились. Построились перед нами полукругом и чего-то терпеливо ждали, изредка пощелкивая жвалами.

Первым неладное заметил Лис.

– Со спасителями ты погорячилась, – сказал он, глядя на свои дрожащие руки.

В следующий момент вор, как подрубленное дерево, повалился на землю. Его парализовало, только полные ужаса глаза на онемевшем лице продолжали жить собственной жизнью – вращались и закатывались, как у бесноватого. Следом за Роману рухнул я. Сначала накатили дурнота и слабость, потом я вовсе перестал ощущать свое тело.

Дольше всех продержалась орка. Она из последних сил пыталась сопротивляться отраве, которой плюнули в нас насекомые, даже схватилась за рукоять пятипалого. Но вытащить оружие у Мары не хватило сил. Зеленая упала рядом со мной.

Муравьи повели себя странно. Насколько я разбирался в повадках этих существ, они должны были убить нас и потащить в муравейник. Мне даже подумалось: какая глупая смерть нам досталась. Но вместо того, чтобы прикончить нас на месте, гигантские насекомые натаскали кучу длинных веток, соорудили каждому что-то вроде носилок, водрузили на них наши безвольные тела и куда-то поволокли.

Я не мог пошевелить и пальцем. Но глаза были открыты, а голова повернута набок, потому я видел проплывающие мимо деревья и самих муравьев. К сожалению, мне не было видно орку с Лисом.

Вскоре свет погас: лес сменился стенами темной пещеры. Все-таки нас притащили в муравейник. Некоторое время насекомые спускались под землю в полной темноте, но затем появилось мягкое свечение, которое исходило от росшего на стенах мха. Я впервые увидел такое растение. Поистине, Дикий архипелаг был удивительным местом.

Примерно через полчаса пути, когда вид светящегося мха уже перестал удивлять, муравьи внесли меня в небольшое помещение, бросили на землю, словно мешок, и удалились. На холодной земле я провалялся долго, пока не почувствовал, что могу наконец пошевелиться. С трудом перевернувшись, осмотрелся, насколько в таком положении позволял угол обзора, потом позвал:

– Эй, вы тут?

Никто не отозвался, а я так надеялся, что друзья где-нибудь здесь, за моей спиной... Но Лиса и Мары не было, насекомые уволокли их в другое место. Это настораживало: я боялся, что моих спутников могли отнести в хранилище пищи. Хотя то, что нас не убили сразу, внушало некоторую надежду – значит, мы зачем-то были нужны живыми.

Когда ко мне вернулась способность управлять своим телом, я встал, помахал руками, чтобы размяться, и наконец сумел осмотреть всю пещеру. Оказалось, я ошибался в том, что нахожусь тут один. У входа застыли два муравья. Они отличались от тех, что я видел ранее. Более крупные размеры и мощные, длинные жвала самого угрожающего вида – меня сторожили воины.

Заметив, что я пришел в себя, муравьи оживились. Щелкнув пару раз жвалами, они отошли от входа, будто приглашая на выход. Мысленно пожелав себе удачи, я шагнул навстречу насекомым. В проходе муравьи сразу встали по бокам, будто конвоиры. Один из них снова пощелкал, указывая куда идти, и мы двинулись вперед.

Блуждать по коридорам пришлось довольно долго – муравейник оказался настоящим лабиринтом. Несколько раз мы сталкивались со спешившими по своим делам рабочими. Одни тащили ветки и стволы деревьев, другие – трупки каких-то зверьков, третьи просто маршировали по коридору, видимо, только отправлялись на работу. Мы останавливались и ждали, когда проход освободится. Один раз наткнулись на отряд таких же воинов. Один из моих конвоиров подошел к ним, некоторое время муравьи общались, двигая усиками, будто что-то согласовывали. Затем нам уступили дорогу, и мы снова продолжили путь.

Во время этих блужданий я все пытался понять, зачем со мной церемонятся. Поведение этих муравьев в корне отличалось от их собратьев из Даллирии или, к примеру, из человеческих земель. Создавалось впечатление, что у этих насекомых есть способность к логическому мышлению. Чтобы это проверить, я даже пытался заговорить с конвоирами, мысленно, конечно, с помощью образов. Но никакого ответа не получил. Тогда я поступил как сумасшедший – заговорил с муравьями вслух: вежливо представился, сказал, что рад знакомству, похвалил их муравейник... Видели бы меня земляки – сочли бы за безумца! Возможно, так же решили мои охранники. Никакой реакции от них, конечно, не последовало.

Ведь всем известно: насекомые не способны к рациональному мышлению.

Я принялся гадать: зачем, морт побери, муравьям брать пленных?! Или я все-таки гость? Но тогда странным способом меня пригласили.

Наконец путешествие закончилось. Коридор круто вильнул в сторону, мы оказались в огромной пещере. Стены плотно покрывал мох, отчего здесь было гораздо светлее, чем в других частях муравейника. Но больше всего меня поразило не обилие светящихся растений. Посреди пещеры, на подстилке из того же мха, лежала муравьиная матка. Она была в разы крупнее воинов. Непропорционально большая задняя часть ее тела постоянно пульсировала.

Передо мной была настоящая королева муравьев, это становилось понятно по тому, как вокруг нее суетились рабочие: кто-то подкладывал свежий мох, кто-то таскал пищу, некоторые массировали жвалами раздутое тело. Многим, может, это зрелище показалось бы мерзким, но меня только восхищало. Когда еще доведется вблизи увидеть королеву муравьев? Причем не обычных, а таких огромных, да еще и сложно организованных.

То, что произошло потом, на несколько мгновений выбило меня из колеи. Королева муравьев заговорила! Нет, естественно, не на всеобщем и не на эльфийском. В моей голове неожиданно начали появляться образы, которые складывались в определенную картину. Это сразу объяснило поведение муравьев. Выходит, я был не так уж и безумен, когда пытался с ними пообщаться. Правда, ошибся, адресуясь напрямую к охранникам. Их матка оказалась центральным разумом, который и отдавал всем приказы.

В сознании возникла картинка – кусок полуразложившегося мяса. Сначала я решил, что таким образом мне намекают на скорую смерть, и только потом сообразил: это приветствие. Королева хочет сказать, что ей приятно меня видеть. В ее понимании самое приятное – это еда. Сформировав похожие образы, я ответил тем же. Судя по реакции матки, она поняла. Наверное, я был первым эльфом, которому удалось наладить контакт с насекомым, хоть и таким огромным. Этот случай переворачивал все представления о муравьях!

Королева показала несколько картинок, но у меня не получилось уловить их смысл. Матка сформировала более точные образы: ряд зверей, птиц, насекомых, затем – моя собственная персона.

– Кто ты? – так можно было расшифровать ее вопрос.

Она хотела знать, что я за существо, почему так хорошо понимаю и слышу ее:

– Я и раньше видела разумных существ, но они не были так близки к природе...

Выходит, остров был когда-то заселен? Я, как умел, спросил, кого она видела. Следующий образ, который мне передала матка, не укладывался в голове: то ли поле, то ли огород, на котором размахивали мотыгами низкорослые бородачи. Гномы? Какого морта могли делать на тропическом острове уроженцы суровых земель?! Насколько мне было известно, они всегда жили в горах на северо-востоке Мидлона...

Все это выглядело невероятно, и я решил, что королева или выдумывает, если вообще способна на такое, или просто немного не в себе. Кто ее знает? Говорят, женщины в интересном положении часто становятся странными. Может, и муравьи тоже? Ведь муравьиная матка, можно сказать, всегда беременна... однако, откуда она могла взять образ гномов, если ни разу их не видела?

Следовало как-то объяснить королеве, кто я такой. Я просто передал ей небольшую, крохотную часть информации о своем народе. Показал виды Даллирии, священный храм Листвы, чудеса, которые проделывают маги жизни... На некоторое время матка застыла, словно каменное изваяние, усваивая полученные сведения. Затем на меня обрушился поток образов. Весь он сводился к тому, что я должен остаться в муравейнике, чтобы делиться с королевой новыми знаниями.

– Невозможно, – твердо ответил я с помощью образа птицы. Почему-то мне показалось, что это – самая правильная форма отказа.

Как ни странно, королева поняла мою метафору.

– Но я давно не узнавала ничего нового. Мне нужны твои знания.

Я только покачал головой:

– У нас так не принято. Ты должна дать мне что-то взамен.

Немного подумав, королева согласилась и спросила, чего я хочу. Это было удобным случаем, чтобы узнать, есть ли на острове что-нибудь необычное. Помимо пчел-убийц и разумных муравьев, разумеется. Я поочередно передал матке картинки, изображающие самые мощные артефакты, которые только существовали в Вирле, потом показал ее родной остров. В ответ получил ту же птицу.

Больше мне нечего было здесь делать, следовало как-то откланяться, найти орку с Лисом и отправляться к кораблю. О чем я поспешил сообщить королеве. Но матка оказалась меня отпускать, заявила, что я останусь в муравейнике, чтобы делиться знаниями. Естественно, я опять отказался.

Тогда королева сделала то, чего я никак не мог ожидать от насекомого, каким бы разумным оно ни было.

– Твоя семья, – перед внутренним зрением возникли лица Мары и Лиса. Матка оперировала близкими ей понятиями. – Воины? Рабочие? Носители личинок? Они нужны тебе, я чувствую.

Королеве не было известно такое понятие, как дружба. Да и семья в ее представлении была скорее командой, чем сообществом родных и близких. Но главное она уловила: мою потребность в друзьях... Это был настоящий шантаж. Королева поставила условие: если останусь, она отпустит Лиса и Мару живыми. Если же попытаюсь уйти... в сознании появились пугающие картинки – мертвые друзья и я под охраной множества муравьев.

Что-то в переданных мне образах было не так. Будто фальшь какая-то. Догадка пришла почти сразу. Матка не собиралась оставлять в живых моих спутников, даже если я останусь добровольно. С точки зрения муравьихи, это было логично: с чего бы ей отказываться от такого количества еды?

Следовало что-то быстро придумать. Чтобы потянуть время, я ответил согласием.

– Но сначала... – я показал образ муравейника, пытаюсь объяснить, что хочу осмотреть место, где мне придется остаться.

Матка сначала не поняла моей просьбы, ответив, что со мной всегда будут провожатые. Но я настоял, заявив, что это для меня важно. И королева уступила.

Через мгновение я топал по тоннелям муравейника в сопровождении двух стражников. Меня водили по запутанным коридорам, показывали какие-то помещения, которые мне абсолютно не были интересны. Когда мы останавливались в очередном месте, муравьи терпеливо ждали, пока я удовлетворю свое любопытство, затем снова продолжали путь. У меня же возникла шальная идея, как всем нам выбраться из муравейника целыми и невредимыми. Оставалось только ждать, когда провожатые приведут меня к нужному месту, и молиться всем богам, чтобы орка с Лисом продержались до этого момента. А вернее, чтобы их не сожрали.

Наконец мое терпение было вознаграждено, мы оказались в просторной длинной пещере, хорошо освещенной из-за обилия мха. Возле стен были сооружены лежанки из него же. В каждой такой кроватке лежали две или три муравьиные личинки. Вокруг сновало множество рабочих. Они контролировали температуру, постоянно заменяя мох в кроватках более свежим, занимались кормлением. Это помещение мне и было нужно. Я предполагал, что рано или поздно мне покажут муравьиную детскую, и не ошибся.

Дальше я действовал с бешеной скоростью – рабочие не сразу поняли, что вообще происходит. Сплетя заклятие ветряного удара, отшвырнул своих конвоиров в разные стороны, затем сделал несколько быстрых скачков вперед. Оказался примерно посередине пещеры, создал на ладонях два пульсара, увеличил их в размерах до хороших бочонков и подвесил над личинками. Рабочие и очнувшиеся воины тут же застыли. Судя по тому, как нервно подрагивали их усики, они передавали информацию королеве, чтобы получить указания. Не дожидаясь, пока муравьи что-нибудь предпримут, я сформировал вереницей образов короткое послание и обратился к ближайшему муравью в надежде, что насекомое передаст его матке. Усики на голове связного на мгновение застыли, затем задергались с удвоенной силой. Моя задумка удалась.

Содержание сообщения было примерно таким: «Если не хочешь, чтобы все твои дети погибли, приведи моих спутников. И поторопись, долго удерживать огонь у меня не получится. Если я устану, мох вспыхнет мгновенно». Я постарался сделать картинку как можно более яркими и пугающими, живописуя все ужасы, которые случатся с личинками, если матка не выполнит мои требования.

Негодование и ненависть королевы оказались так сильны, что их отголоски докатились даже до меня. Я надеялся, что она не станет совершать опрометчивых поступков и выполнит мои указания.

Глупое насекомое, не видевшее многие годы разумных существ, решило, что сможет запросто меня обмануть. Но королева, которая привыкла повелевать покорными слугами, совершила промах. Даже обладая способностью мыслить, она оставалась всего лишь большим муравьем.

Насекомые не пытались что-либо предпринять, они стояли смирно, чего-то ждали, слегка подергивая усиками. Это заставляло надеяться на лучшее: если матка сразу не приказала растерзать меня, значит, все-таки решила принять мои условия.

Потянулись минуты напряженного ожидания. Поддержание пульсаров такого размера требовало немало сил и хорошей концентрации. Раньше я бы не смог проделать такой трюк. Не зря потратил столько времени на изучение трактата о стихийной магии.

Вскоре я действительно начал уставать и стал прикидывать в уме, сколько еще смогу продержаться. Выходило, не так уж долго. Не поторопись муравьи – мог и вправду начаться пожар, чего я очень не хотел бы. Личинки уж точно были не причем. Но моим худшим опасениям не суждено было оправдаться: в помещение ввели орку и Лиса. Их, так же как меня, конвоировали два воина, на которых зеленая то и дело косилась, готовясь в любой момент дать отпор.

Судя по округлившимся глазам и вытянутым лицам, картина, представшая перед моими спутниками, очень их удивила.

– Скорее, сюда! – крикнул я.

Они подбежали.

– Что здесь, морт побери, происходит?! – воскликнул Роману.

– Потом объясню, – отмахнулся я. – Сейчас медленно отступаем, по моей команде бежим.

Мы осторожно попятились.

- Вы в порядке? - не сводя взгляда с муравьев, спросил я.

- Да, - ответила Мара. - Сначала нас бросили в какой-то пещере. А когда мы смогли шевелиться, они напали. Я еще удивилась: какой смысл ждать, пока пройдет действие яда... Пришлось обороняться.

- Затем твари неожиданно остановились, - добавил Роману. - И показали, чтобы мы следовали за ними.

- Как ты, интересно, это увидел?! Ты спрятался за моей спиной, когда нас атаковали! - рыкнула орка на Лиса.

- Я вор, а не муравьед! - парировал Роману. - А вдруг бы они отобрали изумруд?!

- Чокнутый, - констатировала Мара, сокрушенно помотав головой.

- Хватит! - отрезал я.

Было очень тяжело с увеличившегося расстояния держать огненные пульсары подвешенными в том же положении.

- Бежим! - крикнул я, когда мы достигли выхода из детской.

Лис с Марой тут же рванули вперед. А я задержался на несколько мгновений, чтобы потушить пульсары и послать короткий магический импульс в стены тоннеля. Арка выхода тут же обвалилась. Это должно было ненадолго задержать преследователей. В том, что нас будут догонять, я не сомневался ни секунды. Королева ни за что не простила бы нам такую пощечину.

- Где выход наружу, знаешь? - на бегу спросила Мара, когда я поравнялся с ней.

- Должен быть... рядом... - пропыхтел я. - Возле... детской обязательно должен быть... Вдруг наводнение... или пожар...

- Надеюсь, ты прав, - влез Роману.

Затем был изнурительный бег по прямому коридору. Долго не попадалось ни одной развилки. Но после очередного резкого поворота мы остановились - тоннель в этом месте разделялся на три коридора.

- Ну и куда теперь? - спросил Лис.

Ничего не говоря, Мара по очереди подошла к каждому проходу.

- Из крайнего правого ощущается сквозняк.

- Значит туда! - скомандовал я.

Вскоре тоннель начал забирать круто вверх, а сквозняк становился все явственнее.

- Выход рядом, - уверенно произнесла орка.

Действительно, скоро впереди мы увидели свет, а через несколько минут выбрались из норы посреди леса.

- Наконец-то свобода! - облегченно произнесла орка. - Продолжим поиски на этом острове?

- Здесь нет того, что мы ищем, надо возвращаться, - ответил я.

- Отлично, а в какой стороне корабль? - спросил Роману.

- Сейчас узнаю.

Я прикоснулся к ближайшему дереву, обратился к его духу с просьбой. Ждать пришлось недолго, духи быстро передают информацию друг другу.

- Туда, - сказал я, указывая на северо-восток.

– Думаю, нам стоит поторопиться, – глядя на муравейник, пробубнил Роману.

На поверхность выбрались первые воины. Ненадолго их задержал завал.

Мы снова побежали. С самого прибытия на остров только этим и занимались. Улепетывать от муравьев оказалось проще, чем от пчел. Эти насекомые были гораздо медлительнее, мне даже не пришлось задерживать их при помощи магии. Мы просто, как бешеные кабаны, неслись вперед, сминая все на своем пути. Точнее, так поступали Лис с оркой. Передо мной кусты расступались, не норовя зацепиться за одежду и оцарапать кожу. Но в таком темпе я успевал облегчить путь только себе, а помочь спутникам мог только сочувствием.

Вскоре деревья расступились, мы вылетели на открытую поляну, посреди которой возвышался большой валун. Неожиданно для самого себя я остановился, уставился на него и выдавил:

– Какого?..

Договорить не дала Мара. Крикнув: «Некогда останавливаться!» – зеленая толкнула меня вперед, и мы продолжили бег. Разглядеть валун удалось только мельком, но этого хватило, чтобы понять: передо мной рукотворная статуя. Она была вся опутана лианами, половина лица сколота. Однако я мог поклясться, что узнал, кого изобразил скульптор! В голове сразу всплыла картина, показанная королевой муравьев. Но этого просто не могло быть! Что за мортотщина творилась на этих островах?!

Через пару часов, запыхавшиеся от долгого бега, мы оказались на песчаном берегу. И сразу бросились к воде. Зайдя в море по пояс, я поднял руку, создал снап искр. Такое на корабле не могли не заметить. Действительно, тут же мы увидели, что на воду спускают шлюпку.

Как я и думал, муравьи за нами не последовали. Насекомые остановились у кромки леса, раздраженно щелкая жвалами. Королева будет в бешенстве, ее подданные упустили добычу.

– Залезайте, – раздался голос над головой.

Шлюпка была уже рядом. Гребцам не пришлось повторять приглашение дважды. Матросы гребли с такой силой, будто остров гнался за ними. Вскоре мы уже стояли на палубе «Хромой Мери». Моряки тут же подняли паруса, снялись с якоря и направили судно к следующему острову.

Вечером, сытые, довольные, в чистой одежде, мы с Марой устроились в моей каюте. Разговаривать собирались вдвоем, но к нам прибился Роману, заявив, что тут безопаснее. Вор не стал мешать, влезать в разговор, просто сел в угол и, как обычно, принялся гладить изумруд, что-то ему нашептывая. Не обращая на него внимания, я рассказал Маре все, что узнал от матки.

- Выходит, на острове жили гномы, - заявил я. - Но этого просто не может быть!

- Мы находимся на Диком архипелаге, - напомнила орка. - Никто ничего о нем не знает. Давай будем считать, что здесь нет невозможного, так проще. И потом, сам ведь говоришь, что видел статую гнома.

- Ты права, - согласился я. - Но все же на душе остался неприятный осадок.

- Почему? - удивленно спросила орка.

- Мне пришлось взять в заложники детей, - объяснил я.

- Каких детей?

- Муравьиных личинок.

- Это же просто насекомые! - удивилась Мара.

- Но они разумны, - парировал я. - И они маленькие - такие же, как эльфийские, орочьи или человеческие дети.

Орка ничего не ответила, решила не спорить, однако в ее глазах читалось непонимание. Я только махнул рукой, ставя точку в разговоре. Не хочет понимать очевидных вещей - не надо...

– Ты ненормальный, – заявил из своего угла Роману и, тут же потеряв ко мне интерес, принялся снова что-то нашептывать изумруду.

Мара

– Ну вы, нелюди, крепкие ребята! – прокаркал Клешня, одобрительно хлопая меня по плечу. – Я уж думал, все, на первом же острове загнетесь, порази вас морской лишай...

Я поморщилась, стряхивая двупалую руку: хлопок Бобо угодил на пчелиный укус. Капитан мог восхищаться как угодно, но нам здорово досталось на острове. Хитрюга Лэй сумел избежать неприятностей, отделался всего парочкой укусов. Мне пришлось труднее – плечи и шею покрывали болезненные волдыри. Ушастик вечером намазал меня каким-то эльфийским зельем, к утру боль отпустила, но кожа немилосердно зудела.

А вот на Лиса было страшно смотреть – он бежал быстрее нас, но умудрился упасть. Лэй отшвырнул рой водным заклинанием, однако пчелы успели здорово покусать вора. Роману почему-то отказался от помощи эльфа и улегся спать – видно, с ним опять приключился приступ недоверия ко всему миру.

Мы переночевали на корабле. После всех встрясок ушастик потребовал покоя и нормального отдыха. «Хромая Мери» бросила якорь в бухте второго по счету острова, который на карте именовался Загадочным. Это мне совсем не понравилось – на архипелаге и так хватало странностей, а чего ожидать от острова с таким названием?

Так или иначе, но ранним утром мы с Лэем, выспавшиеся, полностью экипированные, уселись в шлюпку. Клешня похлопал нас по плечам, произнес несколько ругательств, и приказал:

– Шлюпку на воду!

– Что-то Лиса нет, – в глазах ушастика засветилась надежда.

Я кивнула:

- Наверное, решил отлежаться после вчерашних укусов...

Мы оба воровато огляделись, мечтая, чтобы как можно быстрее спустили шлюпку. Заскрипели тали, уже казалось, что все получится, когда из люка донесся истошный вопль:

- Морт! Морт!

- Утихни, Сай! - ответили ему. - Не видишь, что ли: это малахольный зирец.

- Ох ты! - изумился первый моряк. - Ну и видок! На неупокоенного смахивает...

- Не вышло... - вздохнул ушастик. - А счастье было так близко...

В шлюпку рухнуло странное существо, в котором Лиса можно было узнать только по одежде. Гребцы сотворили защитные знаки. На месте лица Роману бугрилось нечто опухшее, бесформенное и почему-то зеленое. Глаза превратились в крошечные щелочки, губы заплыли и вывернулись, кожа явственно отдавала болотным оттенком.

- Поздравляю, Мара, теперь из нас троих ты на втором месте по красоте, - произнес Лэй, критически оглядев вора.

- Ф-фы поф-фему беф-ф меня ф-фобралиффы? - прошепелявил Роману.

- Неужто нашего дорогого друга тяпнули еще и за язык? - ушастик картинно всплеснул руками.

Я покачала головой:

- Нет, это у него просто рот плохо открывается. Кстати, а почему ты зеленый?

Вор ничего не отвечал, только страдальчески подкатывал крохотные глазки.

- Это, наверное, реакция на пчелиные укусы такая интересная, - предположил эльф.

- А может, на архипелаге пчелы какие-то неправильные... - протянула я.

- Нет-нет, я понял: это жесточайший приступ изумрудной лихорадки! - воскликнул ушастик.

- Не иф-фдевайтеф-фь, - тяжело вздохнул Лис. - Больно...

- А кто вчера от лечения отказался? - отчитывал его Лэй. - Жала вынимать кто не захотел? Мазаться кто не пожелал? Вот и ходи теперь, как... - он запнулся, подыскивая достойное сравнение. - Как недобитый орк!

В ответ Роману только засопел.

- Ладно уж, - сжалился эльф, развязывая мешок и доставая склянку. - Подставляй свое прекрасное личико. Для Мары захватил...

Он щедро покрыл раздутую физиономию вора мазью. Эльфийское варево оказало чудесное действие. К тому времени как мы высадились на берег, отек на лице Роману заметно спал, губы приняли нормальный вид, и вор перестал шепелявить. Лэю тут же пришлось пожалеть о своей великодушии - Лис принялся выговаривать:

- Почему опять хотели меня бросить? Вы же понимаете: мне опасно оставаться на корабле с таким сокровищем!

Ушастик попытался воззвать к его благоразумию:

- Но никто же не знает про изумруд.

- Вы знаете, - взгляд Роману сделался подозрительным. - Наверняка проболтались кому-нибудь...

- Так, хватит! - рявкнула я. - В следующий раз останешься на корабле, и это не просьба!

– Ну его, – Лэй осматривался, лицо его было удивленным. – Погляди лучше, какой странный остров.

Действительно, прямо от линии воды начиналась раскаленная пустыня с колючими кустами, комками перекасти-поля и песчаными холмами. Воздух был сухой и горячий, в нем не ощущалось морской влажности. Казалось, острову плевать на законы природы, он существует сам по себе.

Но удивительнее всего была штука, которая возвышалась посреди острова. Каменное сооружение, широкое у основания, ребристое, идеально правильной формы, оно сужалось кверху.

– Надо же, пирамидальный храм, – выдохнул ушастик. – Я думал, это все сказки. Существует легенда, что древние народы строили такие храмы, – пояснил он. – Но до сих пор считалось, что пирамиды остались только на картинках в старинных книжках.

– Почему же такую огромную штуковину не видно с моря? – озадачился вор. – Ведь не видно же?

Действительно, с корабля храм казался всего-навсего высокой скалой. Даже находясь в бухте, мы не видели пирамиду.

– Какая-то магия, – предположил эльф.

Я кивнула ему:

– Отойдем ненадолго.

Мы удалились на десяток шагов от недовольного вора.

– Как думаешь, это оно? – спросила я.

Лэй задумчиво почесал за ухом:

– А морт его знает. Я вроде ничего такого не чувствую. А ты?

– И я. Но мы же не знаем, что должны чувствовать. Вдруг то, что мы чувствуем сейчас, и есть то, что надо чувствовать...

Я запуталась и замолчала.

– Ладно, пойдем к храму, – вздохнул Лэй. – Может, там что-нибудь особенное ощутим.

– Эй вы! – Роману подбежал к нам. – Не смейте меня бросать! И вообще, уединяетесь, шепчетесь... Вы что замышляете?

Мы молча двинулись в глубь острова. Лис пошел за нами.

Храм находился гораздо дальше, чем это казалось с берега. Да и остров был больше, чем можно было предположить, глядя с моря. Атик уже стоял в зените, а мы еще не приблизились к пирамиде.

– Все колдовство, – бурчал Роману. – Вот увидите, ничего хорошего с нами не случится...

– Точно, – парировал ушастик. – Жаль, мы этого не поняли, когда с тобой связывались.

Я не вслушивалась в их перебранку. Меня гораздо больше тревожили существа, которые сопровождали нас всю дорогу. В небе кружили большие серые птицы, время от времени издававшие резкие неприятные крики. А по пятам за нами крались звери. Они походили на шакалов, только гораздо крупнее, с курносими мордами. Твари брели за нами. Стоило обернуться, как они припадали к песку, прятались за кусты. Я насчитала не меньше семи животных.

Роману, озабоченный сохранностью изумруда, ничего вокруг не замечал. Но эльф должен был почувствовать присутствие зверей. Я повернулась к Лэю, но он опередил меня, заявив:

– Вижу, Мара.

- И что думаешь?

- Странно они себя ведут. Обычно падальщики преследуют больных, измученных либо раненых животных. Вряд ли мы производим такое впечатление.

- Падальщики? Где?

- Ну или просто хищники. Но большинство хищников не брезгует мертвечиной.

Лис резко обернулся, звери трусливо отпрянули, а один, самый крупный, зарычал и оскалится, показывая длинные желтоватые клыки.

- Какие наглые, - нахмурился Лэй. - Сейчас я поговорю с вожаком. Это самый нахальный и есть.

Он остановился и медленно повернулся. Животные тоже замерли на месте, но не стали ни прятаться, ни огрызаться: знаменитые эльфийские способности сработали. Ушастик уставился на вожака. Некоторое время они сверлили друг друга взглядами, потом зверь опустил голову, а Лэй посмотрел на меня. Вид у мальчишки был потрясенный.

- Так что он сказал? - поинтересовался Роману.

- Он попросил нас побыстрее умереть, - медленно проговорил ушастик. - Потому что стая хочет есть...

- А с чего они взяли, что мы собираемся умирать? - удивилась я.

- В этом-то и штука. Вожак говорит, здесь все умирают, - упавшим голосом ответил Лэй.

- Ерунда какая-то, - Лис решительно двинулся вперед. - Врет твой зверь.

- Звери не врут, - пояснил ушастик. - Не умеют. Хотя...

Лэй глубоко задумался и больше уже не обращал внимания на животных. Твари же продолжали плестись за нами. Не то чтобы они меня пугали, но их присутствие казалось тревожным признаком.

– Часто падальщики сопровождают крупного хищника, чтобы поживиться остатками его добычи, – сказала я.

– Ты же слышала: они считают нас добычей, а не хищниками, – фыркнул эльф.

– Крупный зверь может быть рядом, в засаде, например.

– Я ничего не чувствую, – Лэй пожал плечами. – Сейчас еще раз попробую...

Он снова остановился, раскинул руки, закрыл глаза и принялся медленно поворачиваться по часовой стрелке.

– Нет. Ничего такого не ощущаю, – проговорил он. – Поблизости только эти твари, да всякая мелочь вроде сусликов.

– Сейчас я их... – Роману поднял свой крошечный арбалет. – Угощу одного-другого ядом, остальные сами уберутся. А ты, Мара, выстрели из лука по птицам. Болты не долетят...

– Не нужно, – остановил его Лэй. – пусть остаются.

– Я понимаю, конечно, эльфы-шмельфы, любовь ко всему живому и все такое, – Лис капризно топнул ногой, – но это уже перебор! Зачем тебе эти уродцы?

– Пока мы здоровы и сильны, они нам не страшны, – терпеливо растолковал ушастик. – Зато по их поведению можно предугадать появление другой опасности. Я все же подозреваю, что Мара была права: где-то затаился крупный хищник.

– А вдруг они охотятся за Степным изумрудом? – воскликнул вор и, похоже, сам оторопел от глупости сказанного.

Мы с Лэем переглянулись, эльф повертел пальцем у виска.

– Ладно, идемте. А то Атик уже вниз пошел, а мы еще ни на милю, кажется, не приблизились.

Действительно, за нами расстилались долгие лиги пустыни, а пирамида как была далека, так и осталась. Мы ненадолго остановились, перекусили, снова отправились в путь. Близился вечер, но храм оставался недоступным.

– Так не бывает, – ворчал ушастик, мяся ногами песок. – Остров-то маленький. Это какая-то магия...

Я тоже это подозревала. Ведь казалось, пирамида совсем рядом, ну может, в лиге пути. Но приблизиться к ней не получалось.

Атик укатился в море, окрасив на прощание его край в алый цвет. Возшла бледная Тиль. Песок быстро отдал накопленный за день жар, и в пустыне стремительно похолодало. Мы остановились на ночевку. Набрали сухих колючек, срубили чахлое деревцо, развели костер. Перекусив, Лэй завалился спать, а я осталась в карауле. Роману, как всегда, разглядывал изумруд, что-то мурлыча под нос.

Звери расположились неподалеку, в десятке ярдов от нас, улеглись кучкой, грея друг друга и накрыв носы пушистыми хвостами. Смотрели настороженно и как-то тоскливо, будто не надеялись уже нами перекусить. Потом задремали. Птицы опустили чуть дальше, нахохлились, тоже вроде бы погрузились в сон.

Я слушала звуки пустыни, подкидывала дрова в костер и размышляла о странностях своей жизни. Как же далеко занесла меня судьба от родного Т'хара! И как много я успела пережить за последний год. А не сбеги я тогда из племени, сейчас, наверное, уже была бы мужней женой, обзавелась бы ребенком. Жалела ли я когда-нибудь о принятом решении? Нет. Наверное, Одноглазый Улаф был прав: мое место, мое предназначение – не на родине. События последних дней это подтверждали: возможно, мне на роду написано спасти орков от гибели. Если так, любые мои лишения оправданы.

Только вот задание боги дали уж больно странное. «Вы почувствуете, когда увидите артефакт». Слишком расплывчато...

Я посмотрела на звезды и отправилась будить Лэя. Прошла половина ночи. Мы решили дежурить вдвоем, рассудив, что на Роману полагаться нельзя – очень он изменился за последнее время, иногда походил на безумца.

Передав пост эльфу, я улеглась на его место и тут же уснула. Все было тихо и спокойно.

Меня разбудил ощутимый тычок в плечо. Открыв глаза, увидела встревоженное лицо Лэя.

– Что, уже вставать пора?

Эльф отрицательно покачал головой и шепнул:

– Что-то происходит...

Я прислушалась: звуки пустыни ничуть не изменились. Поднявшись, огляделась и поняла, что ушастик имел в виду. Падальщики уходили. Птицы поднимались на крыло, взмывали высоко в небо. Зверьки, сжавшись, затравленно озирались по сторонам, ползли на брюхе прочь от нас. Вокруг явно царила паника, только Роману безмятежно спал, улыбаясь во сне и положив руку на грудь, где в потайном кармане лежал изумруд.

Я выдернула пятипалый, кивнула эльфу:

– Давай.

Лэй понял без слов. Он снова сосредоточился, закрыл глаза, разговаривая то ли с духами природы, то ли еще с кем-то – я не разбиралась в магии ушастых, но это немного походило на раш-и. Наконец мальчишка медленно произнес:

– Я ничего не слышу. Если что-то и приближается, то это не животное.

– А духи что говорят? – с видом знатока спросила я.

– А духов здесь нет, – нахмурился эльф. – Или есть, но какие-то другие. А вообще, меня не оставляет непонятное чувство. Этот остров похож по

атмосфере на владения Лак'хи в Ятунхейме. Нет природных духов, все какое-то ненастоящее. Только там я это видел явственно, а здесь ощущаю лишь интуитивно.

– И что это значит?

Лэй пожал плечами:

– Иллюзия. Магия. Причем очень сильная, и какой-то неизвестный мне вид. Ну, и с пространством точно кто-то поработал. Не может быть остров таким огромным.

Мы долго еще простояли, напряженно оглядываясь по сторонам, но ничего не происходило. Вдруг ушастик подскочил с таким видом, будто его осенила гениальная мысль:

– Слушай, Мара! Войди в это свое состояние, может, ты сумеешь почувствовать, что тут творится, и какая опасность на нас надвигается.

Я с сомнением покосилась на спящего Роману, потом на Лэя.

– Покараулю, – понятливо сказал мальчишка.

Он создал огненный шар, картинно покачал его над ладонью – мол, не волнуйся, погружайся спокойно...

Попытаться стоило. Я уселась поудобнее, отрешилась от окружающего мира, легко скользнула в раш-и. Теперь ушастик не обязательно было меня караулить – состояние многократно увеличивало скорость реакции и физические возможности.

Лэй оказался прав: магия была повсюду, я ее остро чувствовала. Все вокруг было очень странным. Я видела, что пространство неестественно искажено. Это походило на материю, которую растянули до предела, так, что она вот-вот лопнет. Все энергетические связи, державшие вместе крохотные частицы, что составляли сущее, истончились за счет этого растяжения.

В попытке увидеть того, кто сотворил волшебство, я уходила сознанием все дальше, опускалась в глубину времени. И наконец увидела – три маленькие фигурки в длинных желтых одеяниях, кружились, расшвыривая горстями древнюю волшбу. Давно это было, очень давно... Лица магов скрывали глубокие капюшоны, я так и не смогла понять, что это за существа.

Вынырнув из картин прошлого, я стала изучать измененное пространство, пытаюсь понять, чем оно грозит нам. Ни в воздухе, ни на песке ничего подозрительного не было, тем не менее, я ощущала приближающуюся опасность. Даже слышала звуки, с которыми к нам шло нечто очень, очень плохое:

- Ш-ш-ш-ш... ш-ш-ш-ш...

Но сколько я ни водила вокруг энергетическими щупами, так и не смогла понять, откуда исходит пугающий шорох. Поняв, что ничего не получится, вернулась и рассказала об увиденном Лэю.

- Уходить надо, – сказал мальчишка. – Как я понимаю, мы имеем дело с какой-то древней магией. А там сам морт ногу сломит.

Мы растолкали Роману, вкратце объяснили ему ситуацию.

- Так пойдемте назад! – воскликнул вор. – Ведь чары явно не пускают нас к пирамиде, правильно? Вряд ли они будут действовать на обратном пути.

- На этот раз он рассуждает здраво, – задумчиво произнес ушастик.

- Так чего мы ждем? – Лис подхватил дорожный мешок. – Побежали!

- Нет, – хором ответили мы.

Нам необходимо было попасть к пирамиде. Вдруг артефакт находился именно там? Место самое подходящее. Дикий архипелаг полон чудес и опасностей – бегая от каждой, мы не имели шансов выполнить задание богов.

Мы собрались и пошли в сторону храма.

– Ну и не надо! – пробурчал Роману, разворачиваясь. – Больно хотелось! Сам уйду...

– Не забудь развести на берегу костер, – кротко заметил ушастик. – Клешня придет за тобой шлюпку.

Спустя несколько мгновений вор догнал нас, зашагал рядом.

– Да передумал, – заявил он в ответ на вопросительный взгляд Лэя. – Прогуляюсь. Вдруг не справитесь без меня...

И мы пошли. Ничего вокруг не менялось. Пирамида по-прежнему не приблизилась ни на ярд, Атик поднялся и палил немилосердно, песок исходил тяжелым жаром – все как вчера, только падальщики исчезли. Вообще, пустыня как будто вымерла. Не ползали скорпионы, не выглядывали из-за колючек песчаные ящерицы, в небе не кружили птицы. Время от времени я выходила в раш-и, каждый раз слышала неприятный звук:

– Ш-ш-ш-ш... – Как будто песок сыпался на твердую поверхность.

Эльф тоже что-то чувствовал, в его глазах пряталась тревога. Мы готовились в любую минуту отразить неизвестную атаку: Лэй разминал пальцы, чтобы сотворить заклинание, а я все время находилась на границе раш-и.

Вскоре ушастик тихо произнес:

– Я слышу это. Звук, о котором ты говорила. Он очень далеко, поэтому тихий. Это шорох. Но почему-то от него мороз пробирает.

Я мрачно кивнула. Шорох стал слышимым. Значит, опасность приблизилась. Мы шли, окруженные им как ледяным туманом:

– Ш-ш-ш-ш...

Впору было завидовать Роману, который ничего не слышал. Но когда Атик покатился вниз, вор бодренько поинтересовался:

- А что это за шелест такой приятный? Как будто волны вдали шумят...

- Если звук докатился даже до его ушей, значит, источник совсем рядом, - проговорил эльф.

Для нас это звучало уже оглушительно громко:

- Ш-ш-ш-ш...

Инстинктивно мы с Лэем встали спина к спине, приготовившись защищаться от опасности, чем бы она ни была: я выставила перед собой пятипалый, ушастик сплетал заклинание. Лис остановился, испуганно оглядываясь и не зная, что предпринять.

- Мортова мать... - вдруг простонал он. - Что это, ради всех богов?!

Вор дрожащим пальцем указал на песчаный холм в нескольких шагах от нас. Бархан вдруг зашевелился и стал опадать. Вскоре он исчез, а на его месте образовалась воронка, из которой раздавалось:

- Ш-ш-ш-ш...

Песок осыпался все быстрее и быстрее, яма ширилась, росла. Из нее вылезли и поднялись над поверхностью песка два длинных дрожащих побега. На мгновение мне показалось, что это чудесным образом тянутся вверх какие-то растения. Потом я приняла загадочные предметы за невероятно длинных змей. Но вскоре стало ясно, что это - усики чудовищно огромного насекомого, голова которого поднялась из ямы. Следом показали толстые плоские лапы, похожие на кротовые. Тварь ловко разгребала ими песок, выбираясь на поверхность.

- Вот это уродина... - проговорил Роману, отступая поближе к нам.

При звуке его голоса насекомое задергало усиками и направило на нас взгляд тусклых черных глаз. Его пасть, обрамленная прозрачными щупальцами, пришла в движение.

- Чего он хочет? - поинтересовалась я, натягивая тетиву лука.

Существо между тем до половины вытянуло на поверхность мощное, покрытое панцирем тело. Показалась еще одна пара лап – более тонких, чем передние, покрытых бурой шерстью.

– Жрать хочет, – злобно ответил Лэй. – Сейчас жахну...

Он сотворил огромный пульсар и запустил им в существо. Завидев приближающийся огненный шар, тварь быстро втянула голову, до половины спрятав ее под панцирь. Пламя врезалось прямо в плоский лоб... или что там бывает у насекомых.

– Есть! – победно выкрикнул ушастик.

Но торжествовал он рано: пульсар рассыпался ворохом искр и погас, не причинив чудовищу никакого вреда. Тварь издала скрип – такой, что даже у меня свело скулы, выбралась из воронки полностью и поползла к нам.

– Милосердная Гвиневра! – воскликнул ушастик. – Вот это монстр!

Насекомое было невероятно огромным – я не знала в Вирле животных, которые могли бы сравниться с ним величиной. Длина его тела была не меньше трех десятков ярдов! Оно походило на сверчка и рака одновременно – длинное тело, непробиваемая броня.

Лэй швырнул в существо несколько молний – все они словно впитались в панцирь, несколько не побеспокоив насекомое.

– Огненная магия не действует! – сквозь зубы процедил эльф. – Попробую воздушную...

С его пальцев сорвался мощный порыв ветра, тараном ударил в чудовище. Любого другого зверя такая волшба расплющила бы в лепешку, но монстра она не остановила даже на мгновение. Заклинание просто обогнуло тварь и ушло в песок.

Мы попятнулись. Нас спасало только то, что существо двигалось очень медленно.

– Сделайте что-нибудь! – нервно проговорил Роману.

– Что именно? – Лэй издал не менее нервный смешок. – Кажется, на него не действует стихийная магия...

Тварь тем временем ускорялась, нам приходилось пятиться все быстрее.

– Ну, попробуй еще! – взмолился вор. – Оно же сожрет мой изумруд!

Ушастик тихо крякнул и швырнул под лапы насекомому какое-то заклинание. Ничего не произошло.

– Должна была земля провалиться, – вздохнул эльф.

Я вскинула лук, тщательно прицелилась. Магия магией, а глаз насекомому вышибить не так уж трудно.

– Не попала, – взвизгнул Роману.

Этого просто не могло быть. Я готова была поклясться: стрела летела прямо в черную бездну глаза чудовища, но в дюйме от цели почему-то изменила направление.

– Сейчас-сейчас, – мстительно пробормотал вор. – Угощу тебя ядом...

С болтами произошло то же самое, что со стрелой. Они отклонились от цели и упали на песок. Существо закрывали волшебные щиты.

Вокруг монстра стали удлиняться и вытягиваться ветви колючих кустов. Выращенные эльфийской магией, они сплетались в сеть, опутывая насекомое, сковывая его...

Какое-то мгновение казалось, что уж эта волшба справится с существом, но тварь оглушительно затрещала – растения, мгновенно иссохнув, упали пустыми плетями.

– Бежим! – заорал Лэй, бросая перед собой какое-то заклятие.

На миг нас отгородила от твари стена тумана, и мы побежали. Неслись по песку со всей доступной нам скоростью. Наверное, сумели бы уйти от медлительного чудовища. Вдруг ушастик остановился и, тяжело дыша, спросил:

– Где Роману?

Мы оглянулись: вор как-то умудрился отстать от нас, и сейчас неуклюже брел, проваливаясь по колено в песок. Движения его становились все медленнее. Насекомое, напротив, ускорилось, догоняя Лиса.

Хором застонав от злости и разочарования, мы побежали обратно. Роману споткнулся, упал, существо нависло над ним, раскрыв пасть, вокруг которой хищно извивались черви щупальцев.

Нам оставалось преодолеть еще не меньше десятка ярдов.

– Не успеем, – прорычал эльф.

Он остановился, с ладоней сорвались десятки мелких огненных шаров. Пульсары не могли серьезно ранить чудовище, но раздражали его и мешали подобраться к Роману. Вор перевернулся и, взрыхляя ногами песок, пополз на заднице, не сводя с насекомого безумного взгляда.

Выхода не было.

– Убирайся! – крикнула я Лису, а сама бросилась к монстру.

Лэй неустанно поливал существо заклятиями. Тварь встала на дыбы и злобно заскрипела.

– Эй, ты, сверчок-недомерок! – на бегу вопила я. – Иди сюда, выкидыш кротовый!

Роману, кажется, пришел в себя. Он встал на четвереньки, быстро перебирая руками и ногами, пополз к Лэю, под прикрытые магии.

– Сюда! – кричала я. – Жри меня, дохлятина!

Существо повернулось ко мне, Лис поднялся на ноги, побежал. Убедившись, что вор в безопасности, я перевела дух, сосредоточилась и погрузилась в раш-и. Если враг защищен магией, значит, нужен антимаг.

Зрение обострилось. Я смотрела на сверчка, а видела, как кружатся три хрупкие фигурки в желтых плащах, творя волшбу. Они ходили вокруг какого-то предмета, лежавшего на земле, напитывая его заклятиями. Я присмотрелась к серому пятну, над которым колдовали загадочные существа. Это оказалась огромная куколка. Результатом волшбы была не только неуязвимость сверчка, он сам был сотворен магией. Картинка сменилась: теперь существа в желтых балахонах танцевали уже вокруг твари, выползшей из куколки, творили защитные чары. Заклятия разливались над насекомым, окутывали его новым коконом, теперь уже невидимым. Танец кончился, волшебники вытянули руки над головой сверчка, привязывая щит. Точка привязки пришлась между глазами твари.

Тварь заскрипела и со змеиной скоростью совершила бросок в мою сторону. Я не стала отстраняться, сгруппировалась, прыгнула навстречу. Кувыркнулась по песку и оказалась под брюхом насекомого. Краем уха услышала испуганный крик эльфа, уловила сверканье молний. Существо дернулось, а я изо всех сил ударила пятипалым в незащищенное панцирем мягкое брюхо.

Магический щит устоял. Я видела, как прогнулась волшба, подалась под острием меча, почти проломилась, но выдержала. Я ударила снова – опять бесполезно. Тварь, почуяв неладное, рванулась вперед, к Лэю, заклинания которого злили ее. Мальчишка ответил очередной магической атакой.

Я откатилась в сторону, чудом не попав под лапы существа. Вскочила, снова ударила пятипалым, на этот раз в бок насекомого. И опять щит выдержал, но я чувствовала, что сумею его преодолеть. Надо было только понять, как...

Вдруг сверчок снова затрещал, над его спиной развернулись блестящие, будто слюдяные крылья. Тварь оторвалась от песка, устремляясь вверх.

Вцепившись в ус насекомого, я прыгнула и оказалась сидящей верхом на части панциря, который прикрывал голову существа. За моей спиной стрекотали

крылья, в лицо бил горячий ветер. Чудовище с безумной скоростью взвилось в небо. Взглянув вниз, я увидела друзей, которые стремительно отдалялись от меня. Вскоре они исчезли вообще. Мы поднялись под самые облака.

Я крепче сжала ноги, чтобы не соскользнуть с панциря. Взглянула на голову насекомого, пытаюсь отыскать наиболее уязвимые точки. Такая нашлась: зрение раш-и помогло увидеть, что между глазами чудовища защита чуть тоньше, чем везде – место привязки.

Существо резко повернуло, понеслось к земле, вытянувшись как стрела. Я понимала, что сейчас оно просто проутюжит моих друзей. Но раш-и позволяло оставаться хладнокровной.

Земля все приближалась. Я собрала всю доступную мне силу антимага, сосредоточила ее в груди.

Тварь неслась быстрее и быстрее. Энергия наполнила меня, я направила ее в руки.

Насекомое было уже в нескольких десятках ярдов от земли. Я могла видеть друзей. Сжала пятипалый обеими руками, размахнулась и ударила между глаз твари, одновременно направив в него всю силу.

Меч пробил защиту, вонзился в голову насекомого, вошел по самую рукоять. Чудовище дернулось в воздухе, издало прощальный скрежет и рухнуло вниз.

Я успела лишь увидеть, как Роману и Лэй разбегаются в разные стороны. Когда до земли оставалось несколько ярдов, я оттолкнулась и прыгнула в сторону, чтобы не оказаться погребенной под гигантской тушей.

Эльф что-то выкрикнул, воздух подо мной сгустился, сделался упругим, смягчив падение. Я упала, прокатилась несколько шагов и осталась лежать, уткнувшись лицом в песок. Ко мне тут же подбежали друзья.

– Ты цела? – спросил ушастик.

Я перевернулась, села, выплюнула песок и кивнула.

– А сверчок издох, – довольно сообщил вор.

Тварь лежала в десятке шагов. Я поднялась и пошла к ней.

– Осторожно, – предупредил эльф.

– Оно издохло.

Я точно это знала, чувствовала. Насекомое было сгустком магии, но сейчас от огромной туши не исходило токов волшбы. Я выдернула из головы существа пятипалый, и тело жука покрылось сетью мелких трещинок, словно было глиняным. Одного дуновения ветерка хватило, чтобы чудовище рассыпалось в прах. Останки грозного монстра отличались от песка лишь грязно-серым цветом. Мы втроем стояли вокруг бархана, не в силах оторвать от него взгляды. Почему-то у меня кружилась голова. Я думала, что такие вещи случаются только со слабыми, трусливыми человеческими женщинами. Посчитав головокружение последствием полета под небесами, постаралась не обращать на него внимания.

– Ничего себе! – присвистнул Роману. – Что это было?

– Магия, – устало ответила я.

– Поэтому я и не чувствовал в нем жизни, – кивнул Лэй. – Чудный зверек сотворен какими-то могущественными волшебниками.

– Для охраны храма, – подтвердила я.

Эльф присел, зачерпнул горсть серого пепла, медленной струйкой высыпал его обратно:

– Интересно, давно ли это было?

– Очень давно. Десять веков назад, а может, и еще раньше...

– А что он жрал? – озадачился Лис. – Путники здесь нечасто ходят, а для прокорма такой здоровенной твари нужно много мяса...

– Думаю, он не жрал, – предположил ушастик. – Скорее всего, он спал. И просыпался, только когда кто-нибудь нарушал невидимую границу, которую сверчок призван был защищать. Ох, что-то голова кружится... – Эльф прикрыл глаза, с силой потер лицо.

– У меня тоже слегка, – признался Роману. – Но как же растяжение пространства? Разве оно недостаточно защищало замок?

– Растягивать пространство до бесконечности невозможно, – пояснил эльф. – Когда-нибудь мы все равно должны были дойти до пирамиды.

– Тут оно заканчивается, растяжение, – сказала я. – И вообще, волшба могла существовать, только пока живо насекомое.

– Магическое существо энергетически подпитывало и стабилизировало пространственное заклинание? – Лэй просиял, как будто узнал что-то очень приятное. – Закольцевали, значит... Интересное решение!

– Выходит... – Роману оторвался от созерцания пепла, огляделся и воскликнул. – Ну да, так и выходит! Смотрите!

Мы обернулись. Пространство стремительно сокращалось, а на нас надвигалась пирамида.

Глава 3

Лэй

С громким хлопком пространство вернулось в нормальное состояние, мы оказались у подножия пирамиды. Вблизи она была гораздо больше, чем казалось сначала. Рассмотреть ее верхушку мешало солнце, тут же ослепившее нас, стоило только поднять глаза.

За нашими спинами послышалось шуршание. Падальщики с интересом изучали кучу праха, оставшегося от монстра. Когда животные поняли, что вещество несъедобно, вожак стаи повернулся к нам и зарычал. Поворчав немного, отправился восвояси, остальные звери последовали за ним.

- Он что-то сказал? - поинтересовалась Мара.

- Вкратце, если опустить нелюбезные эпитеты, недоволен, что мы выжили.

Лис с оркой удивленно переглянулись.

- Да, представьте себе, животные тоже умеют ругаться, - раздраженно сказал я. - Давайте лучше вход поищем.

- А чего его искать? - пожал плечами Роману. - Вон он.

Вор указал направо. Вход оказался ярдах в двадцати от нас. Через минуту мы уже разглядывали его - примерно ярдов десять в ширину и высокий, в три роста орки, темный провал, от которого внутрь тянулся тоннель. Солнечные лучи проникали в коридор лишь на несколько ярдов, дальше была кромешная тьма. Мы не стали торопиться, сначала внимательно обследовали все вокруг на наличие ловушек. Но не нашли - ни магических, ни обычных. Роману только обнаружил, что вход может закрываться тяжелой плитой, которая сейчас была откинута и лежала у нас под ногами. Но никаких рычагов и выступов, активирующих скрытый механизм, видно не было.

- Ну что, вперед, - скомандовал я.

- Сколько же времени уйдет на обследование пирамиды? - пробормотала орка, напоследок взглянув на небо.

- Неизвестно, на сколько уровней она может уходить под землю, - вставил Роману.

Как бы ни хотелось, нам все равно нельзя было покидать остров, не изучив храм. Оставалось надеяться, что загадочный артефакт спрятан именно здесь - больно уж место подходящее. Поэтому, мысленно помолвившись, я сделал первый шаг

внутри. Ничего особенного не произошло, не было ни ловушек, ни грома с молнией. Коридор встретил нас серым камнем и давно потухшими факелами на стенах. Я создал небольшой огненный шар, подвесил его над головой, чтобы освещать путь. На стенах заплясали наши удлинившиеся тени. Мы сделали еще несколько шагов, как вдруг Лис споткнулся на ровном месте.

- Какой недоумок...

Вор не успел договорить: раздался скрежет, грохот, плита поднялась и закрылась, в одно мгновение перегородив нам выход. Захлопнувшись, она подняла облако пыли, которая теперь медленно оседала, покрывая седым налетом наши головы и плечи.

- ... оставляет камни посреди пола, - закончил Роману, когда все стихло.

- А вот и рычаг нашелся, - сказал я.

- Хреновый из тебя вор, - смешно поморщившись от попавшей в нос пыли, сказала орка.

Лис злобно посмотрел на нее, но ничего не ответил. Он сам понимал, что как вор опростоволосился. Мастер своего дела никогда бы не попался в такую глупую ловушку.

Когда пыль полностью осела, мы подошли к плите. Сначала дергали камень, приведший в движение плиту - бесполезно. Потом пытались найти другой рычаг или выступ, который откроет вход, но поиски не увенчались успехом. Казалось, плита захлопнулась навсегда, и механизма, который поднимает ее, вообще нет.

- Или рычаг снаружи или плита закрывается намертво, - подтвердил Лис мои догадки.

- Может, попробовать магию? - спросила орка.

- Могу применить кое-что мощное, - ответил я. - Но не факт, что тоннель выдержит. Нас может засыпать камнями. А если вдруг вход защищен магией, нас просто может убить отдачей.

Орка притронулась к плите, подержала на ней руку несколько мгновений.

– Что-то в ней есть, но вроде бы не щит. Хотя не могу точно определить, волшба очень странная.

– Тогда не стоит рисковать, – решил я. – Двинемся вперед, обследуем пирамиду, поищем другой выход, в крайнем случае вернемся, и тогда уже попробуем пробиться наружу с помощью заклятия.

Неожиданно факелы на стенах стали поочередно загораться, озаряя тоннель далеко впереди.

– Магия, – констатировала орка.

– А вот это уже приятней, – сказал я, погасив шар над головой. – Не придется тратить силу на освещение.

Мы двинулись вглубь храма. Примерно через час, когда всем уже остомортел однообразный вид серых стен и факелов, я уловил знакомый звук и остановился, прислушиваясь.

– Что-то случилось? – спросила орка.

– Журчание воды, – ответил я. – Скоро и ты услышишь.

Мы ускорили шаг. Наконец тоннель закончился, мы вошли в абсолютно темный зал. Я уже собрался было создать огненный шар, но неожиданно загорелся яркий свет, чуть не ослепивший нас. Я зажмурился, а когда открыл глаза, застыл в недоумении. Зал оказался огромным, примерно ярдов сто в длину и столько же в ширину. Потолок возвышался над нами ярдов на двадцать. Но поражала не величина помещения, а то, что в нем находилось.

Под потолком на цепях висел огромный пылающий шар, похожий на маленькое солнце. Я никак не мог понять, что за магия способна удерживать такую мощь, и откуда шар берет энергию. Посреди зала, по желобу, вырезанному в камне, протекал ручей, даже небольшая речушка. Ее журчание мы и слышали. Вычурные перила изогнутого моста, перекинутого через реку, были отлиты из

чистого золота. Вокруг стояли несколько открытых беседок, куполообразные крыши и опоры которых также радовали глаз сиянием благородного металла. Виноградную лозу, обвивавшую подпорки, неведомые мастера сделали из серебра. С лозы свисали рубиновые гроздья – и это не красивое сравнение, ягоды действительно были выточены из драгоценного камня. На стенах зала чья-то искусная рука высекла деревья, стволы которых покрывала золотая кора. Тысячи мелких изумрудов изображали их листья.

Первым от шока отошел Лис, выдохнул:

– Да здесь богатств, как в королевской казне!

– Не вздумай что-нибудь тронуть, – сказала Мара. – Тут могут быть ловушки.

– Я же не круглый дурак, – возмутился вор.

Орка с сомнением поглядела на него, но ничего не ответила.

– Она права, надо быть осторожней, – согласился я. – Скрытых защитных заклятий я не чувствую, но могу и ошибаться. Мара, проверь ты, вдруг что-то обнаружишь, а Лис пусть ищет механические ловушки.

Так и двинулись вперед – орка погрузилась в раш-и, а мы с вором оглядывались по сторонам. Середины зала достигли без осложнений. Но неожиданно что-то привлекло внимание Роману, и он двинулся направо, к стене.

– Стой, там может быть опасно, – окрикнул я.

– Все чисто, – отмахнулся вор. – Лучше посмотрите сюда.

Мы взглянули туда, куда указывал Роману, и увидели на стене, на одном из деревьев, невероятных размеров рубин. Камень был величиной с крупное яблоко, внутри него переливались золотистые искорки, совсем как в Степном изумруде.

– Не к добру это, – пробормотала орка.

Мы кинулись к вору, чтобы подстраховать его, если что-нибудь случится. В это время Лис принялся обследовать стену вокруг рубинового яблока.

– Никаких взведенных самострелов, ядовитых шипов, ничего нет! – Крикнул он.

Не дожидаясь нас, Роману достал нож и принялся выковыривать камень из стены.

– Стой! Это может быть...

«...опасно» – хотела сказать орка, но не успела. В одно мгновение пол под ворм провалился, Роману исчез. Мы подбежали туда, где он только что стоял, и замерли на самом краю глубокого отверстия: под Лисом разошлись каменные плиты. Где-то далеко внизу раздавался шум. Склонившись, я присмотрелся и увидел отблески: свет от огненного шара отражался в воде. Под храмом текла подземная река. Судя по всему, течение в ней было сильным, Лиса унесло сразу.

– Морт! – выругался я. – Как этот недоумок мог не заметить такую простую ловушку?!

Плиты медленно поползли обратно и вскоре сомкнулись, с легким щелчком западня снова активировалась.

– А вот и ответ, – указала на нее орка. – Щели между плитами не видно – ловушка магическая.

Оглядевшись, я увидел отходивший от зала тоннель, который, как мне показалось, должен был идти параллельно течению реки.

– Пошли туда, – сказал я. – Постараемся найти спуск к воде.

Орка кивнула, соглашаясь, мы ринулись к выходу. Судя по звукам, доносившимся из-под ног, я не ошибся, мы бежали над рекой. От коридора отходило множество ответвлений. Время от времени я останавливался, прислушивался и указывал, куда нужно свернуть. Вскоре количество поворотов увеличилось, русло реки, а вместе с ним тоннели петляли как след бешеного зайца. Я сбился со счета, и, не ориентируясь на звук воды, уже вряд ли сумел бы

найти дорогу назад. После долгого бега по коридорам журчание неожиданно смолкло. Мы с оркой остановились одновременно.

– Какого морта?! – удивленно произнес я. – Звук не мог просто взять и исчезнуть.

– Давай попробуем вернуться, – предложила Мара. – Возможно, мы перепутали коридоры.

Мы повернули, сделали всего несколько шагов. Неожиданно вдалеке раздался сухой щелчок, слишком тихий, чтобы его услышала орка. Я отреагировал мгновенно – толкнул Мару к стене и отскочил в противоположную сторону. Мимо пролетели два арбалетных болта, одновременно часть стены, о которую ударились плечом орка, пришла в движение. Не ожидавшая ничего подобного Мара потеряла равновесие и провалилась в темноту. Ловушка тут же захлопнулась. Я рванул к тому месту, где только что стояла орка, попытавшись снова активировать западню – тщетно.

– Мара, ты меня слышишь?! – заорал я, барабаня кулаком по стене.

Но с другой стороны не доносилось ни звука. Даже будь камень стены вдвое толще, я смог бы разобрать голос орки. Единственным объяснением этому была магия. Так же как в случае с рекой. Я не мог просто ошибиться с поворотом, слишком явственно слышал звук текущей воды. Волшебство, с помощью которого созданы ловушки, было необычным, странным. Храм будто жил собственной жизнью, играя с непрошеными гостями.

Некоторое время я пытался снова отодвинуть плиту. Даже шарахнул по ней магией, но заклятие отскочило, так что я едва успел прикрыться щитом. В конце концов, пришлось сдаться. Что бы я ни делал, никаких результатов это не принесло. Поэтому решил вернуться в изукрашенный зал, в надежде найти начало тоннеля, в который провалилась Мара. Однако сделать это оказалось не так-то просто.

Побродив по коридорам, я понял, что окончательно запутался. За все время блуждания мне не попало ни одной ловушки. Единственное, что действовало на нервы – абсолютная тишина. Не было никаких звуков: ни шума подземной реки, ни хотя бы шебуршания крыс. Я решил отдохнуть, уселся прямо на пол, прислонившись к стене. Достал из заплечного мешка весь провиант и флягу с

водой, и положил перед собой.

– Еды хватит на неделю, если расходувать экономно, а вот воды дня на три, – произнес я, чтобы слышать хотя бы собственный голос.

Перекусив, снова отправился в путь. Но не смог выбраться из «немого лабиринта», как окрестил про себя это безумное сплетение коридоров. Я не знал, день сейчас или ночь, и сколько прошло времени. Просто брел, не желая сдаваться, не понимая, куда иду. Устав, останавливался и спал. Потом снова шел куда-то... В очередной раз устроившись на отдых, я крепко уснул.

Разбудил меня резкий звук. Открыв глаза, я увидел небольшой зал, освещенный множеством факелов, воткнутых в щели на стене. В центре, на каменном постаменте возвышалась золотая статуя, изображавшая странное существо. Силуэт напоминал человеческий, но ноги были слишком короткими, огромное толстое пузо свисало ниже колен. Длинные руки, с большими загребущими ладонями, доставали до самого постамента. Голова была вытянутая, словно яйцо, приплюснутая, с большим безгубым лягушачьим ртом. Глаза располагались по бокам, как у птицы, из-за этого создавалось впечатление, что статуя следит за тобой, где бы ты ни находился. В глазницах горели огромные алмазы.

Скульптура притягивала к себе все внимание, поэтому я не сразу заметил две фигуры по бокам от нее. Это оказались гоблины, наряженные в длинные желтые хламиды, которые были расшиты золотом и драгоценными камнями. Видеть маленький народец в такой одежде было уже удивительно. В родных краях гоблины предпочитают носить непритязательные рубахи и штаны из толстой зеленой ткани. Оглядевшись, я заметил еще несколько гоблинов, одетых гораздо более скромно. В руках у каждого был сверток или кошелек. Они выстроились в линию, по очереди подходили к статуе, опускались на колени, оставляли у постамента монеты, украшения, блестящие камешки и, пятясь назад, покидали зал.

Все это действо выглядело как ритуал поклонения богу. Но насколько мне было известно, гоблины, как и эльфы, всегда почитали Гвиневру, которую изображали в виде прекрасной женщины, окруженной дикими зверями. В руках богиня всегда держала цветы, а на ее постаменте высекались переплетенные растения. Этого же уродливого идола я видел впервые и терялся в догадках, что он мог символизировать...

Когда поток прихожан иссяк, под постаментом лежала немалая куча драгоценностей: золото, серебро, камни. Возле статуи остались только два жреца. Но тут в зал вбежал молодой гоблин. Один из жрецов что-то повелительно сказал ему, тот поклонился. Наряженные в хламиды гоблины вышли. Оставшись один, слуга подкрался к куче подношений, уставился на них жадным взглядом. Тут что-то стало происходить. Вокруг статуи появились мелкие голубые искорки. С каждой секундой их становилось больше, а свечение делалось все ярче. От огоньков несло враждебной, смертельно опасной магией. Я попытался закричать, чтобы предупредить гоблина, но не мог выдавить ни звука. Однако слуга сам заметил что-то неладное, и...

... Я открыл глаза. Те же стены, тот же потолок, все тот же серый камень. Никакого зала, никаких статуй и гоблинов – все это мне приснилось.

– Нелепый сон, – недовольно резюмировал я, вставая и разминая отекавшие мышцы.

Многодневные хождения по лабиринту в полной тишине могут свести с ума кого угодно. Сон о гоблинах и странных божках – это еще ерунда. Удивительно, что мне не приснились орки, скачущие по степи верхом на эльфах.

Размявшись и стряхнув остатки наваждения, я снова поплелся по бесконечным коридорам. Но лабиринт неожиданно оборвался – после очередного поворота я оказался в небольшом квадратном зале с двумя выходами. Здесь не было ни золота, ни драгоценных камней, пол и потолок покрывали те же серые плиты, что и в тоннелях. Но две противоположные стены зала украшали странные барельефы – вырезанные из камня глаза. Я ощутил исходившие от них магические токи, однако волшебство не было враждебным.

Подойдя поближе к одному из барельефов, я легонько коснулся его середины. Камень пошел рябью, словно вода под ветерком. От неожиданности я даже отскочил на шаг, приготовив магические щиты. Но рябь вдруг исчезла вместе со стеной, и на ее месте возник зал из моего сна. Уродливая золотая статуя, постамент, факелы – все было точно таким, как мне привиделось, не хватало только жрецов и прихожан. Неужели мне явился кусочек прошлого? Никогда особо не верил в вещие сны, но на Диком архипелаге, где сам морт не только ногу, но и все конечности переломает, не существовало слова «невозможно».

Я осторожно протянул руку, пальцы коснулись невидимой преграды, зал со статуей тут же покрылся волнами. Значит, не портал, просто картинка... Сначала я предположил, что это загадочным образом выполненная проекция моего видения, а на самом деле такого зала в пирамиде нет. Но вдруг картинка ожила: в одном из входов появилась темная фигура. Когда на нее упал свет факелов, я узнал Романа. Лис замер, внимательно осматриваясь. Не обнаружив опасности, вор позволил себе зайти вглубь зала. Остановившись в паре шагов от постамента, Лис посмотрел на статую, лицо его выразило крайнюю степень отвращения. Я его понимал – несмотря на золото и драгоценные камни вместо глаз, скульптура не вызывала ни капли восхищения. Налюбовавшись на идола, вор принялся изучать постамент, даже несколько раз обошел вокруг. Все это время мне казалось, что алмазные глаза статуи внимательно следят за человеком.

– Лис! – громко позвал я, не надеясь на успех.

Изображение оказалось односторонним. Вор не мог видеть и слышать меня. Закончив исследовать постамент, Роману вскарабкался на него, чтобы осмотреть статую. Лиса почему-то заинтересовало брюхо уродского божка. Вор достал нож, и принялся за работу. Я не мог рассмотреть, что именно он делает: обзор загораживала спина Роману. Вдруг, как в моем сне, от статуи повеяло угрозой, в пространстве стали появляться голубые искорки.

– Беги! – крикнул я, не отдавая себе отчета, что вор не слышит меня. – Спасайся!

Лис заметил неладное, когда искр было уже слишком много. Удивление на его лице сменилось испугом. Но тут картинка вспыхнула, озарилась белым светом и исчезла.

– Морт! – заорал я, принимаясь лупить кулаком по глазу в стене. – Верни! Верни изображение!

Остановился, лишь когда на костяшках пальцев выступила кровь. Отошел от стены на несколько шагов, глубоко вздохнул, стараясь успокоиться. Момент смерти Лиса я не видел, значит, возможно, он еще жив... Так было проще думать, хоть я понимал, что вору нечего противопоставить древней волшебке, и шансов у него мало. Но для себя решил считать Роману живым, пока лично не удостоверюсь в обратном.

Обернувшись, я увидел, что на противоположной стене тоже появилась картинка. Однако на ней был другой зал – просторный, освещенный маленьким солнцем на цепях, с белыми стенами, на которых красовались золотые деревья. В дальнем углу спиной ко мне стояла Мара и разглядывала сверкающие фрески. Вдруг что-то насторожило орку, она резко обернулась к одному из входов, выставив перед собой пятипалый.

В зал вошли двое мужчин, хорошо экипированных – кольчуги, мечи на поясе, небольшие круглые щиты, покрытые стальными пластинами. Заметив орку, люди сразу обнажили клинки. Высокий белобрысый воин, мерзко ухмыльнувшись, что-то сказал Маре. Зеленая коротко ответила – улыбка человека потухла, а лицо побагровело от злости. Белобрысый кивнул своему спутнику – коренастому, рыжебородому, похожему на пирата, человеку, и на мгновение застыл, прикрыв глаза. Так же поступили орка и бородач.

– Неужели они тоже могут входить в раш-и? – пробормотал я.

Все трое одновременно открыли глаза. Движения у всех сделались стремительными и гибкими, взгляды сосредоточенными, будто обращенными внутрь себя – результат раш-и. Люди начали обходить зеленую с боков. Орка сдернула с пояса кнут, клинок взяла обратным хватом.

Даже я понимал, что Мара находится не в самом выигрышном положении. Мечи людей были длиннее пятипалого, а хлыстом вряд ли удастся нанести серьезный ущерб, когда противники в броне и со щитами. Мне оставалось только наблюдать, уповая на то, что орка быстрее и искуснее людей.

Зеленая не стала ждать и напала первой. Взмахнув кнутом, она попыталась подсесть ноги бородача, но тот лишь приподнял ступню. Кнут прошел буквально в дюйме от цели, хлестнул камень. Этим воспользовался белобрысый, рванулся к орке, занеся над головой меч. Из-за бешеной скорости движение его казалось смазанным. Зеленая приняла клинок на пятипалый, сразу отскочила, уходя от коварного удара щитом. Тут же на нее набросился пират (как я прозвал про себя рыжебородого человека). Мара присела, пропуская меч над головой, рубанула воина по ноге. Тот отскочил, но орка все же успела задеть его: штанина сразу промокла от крови.

После первого обмена ударами получилось так, что орка оказалась рядом с одним из выходов. «Беги, это шанс!» – мысленно крикнул я. Но зеленая только мельком оглянулась и снова сосредоточилась на противниках.

– Нашла время для гордости, – пробормотал я, скривившись, словно от зубной боли.

Тем временем люди снова обошли орку с боков. Неожиданно Мара сделала нечто идиотское: перехватив пятипалый за кончик лезвия, она швырнула его пирату в голову. Бородач прикрылся щитом, клинок вонзился между сочленениями стальных полос. Всего на мгновение человек потерял зеленую из виду, и этого хватило. Над головой орки взвился кнут, и как только пират опустил щит, захлестнул ему горло. Мара с силой дернула кнутовище на себя. Потеряв равновесие, рыжебородый полетел к орке. Белобрысый атаковал незащищенную спину зеленой, но Мара оказалась быстрее: перехватив запястье пирата, вывернула его, перейдя человеку за спину.

Белобрысый не успел остановиться, клинок вошел в грудь бородача. Смерть товарища ни на секунду не остановила воина. Он снова атаковал. Орка отразила выпад мечом, который выпал из ослабевшей руки рыжебородого. Белобрысый отскочил, уверенности у него поубавилось. Орка отбросила кнут, выдернула из щита пятипалый, взяв в каждую руку по клинку. Человек еще дальше отошел от зеленой, следя за каждым ее движением. Теперь он не спешил нападать.

Но этому поединку не суждено было закончиться. Пол в зале задрожал, словно от землетрясения, и стал расходиться в разные стороны, открывая глубокий провал. Через несколько секунд получилось так, что белобрысый и орка оказались по разные стороны пропасти, разверзшейся у их ног.

Блондин вогнал меч в ножны, со злобой посмотрел на Мару. Постояв еще немного, развернулся и выбежал из зала. Мне показалось, что на его лице мелькнуло выражение облегчения.

Орка мрачно посмотрела ему вслед, подняла кнут, свернула и повесила на пояс. Отсалютовала мечом, отдавая последние почести погибшему, положила клинок рядом с телом. Немного подумав, подхватила щит пирата.

Изображение мигнуло и погасло. Я подождал еще немного, но ни на одной из стен картинке больше не появлялись. Даже потыкал в каменные глаза, но тщетно... Пожалуй, меня это даже успокоило – я боялся увидеть мертвого Лиса.

Выйдя из зала, я двинулся через анфиладу комнат. За Мару я был спокоен, о происшествии с Роману старался не думать. А вот люди, напавшие на орку, меня заинтересовали. Кто они и что делают внутри пирамиды? Искатели приключений, охотники за сокровищами? Но почему мы не видели их корабля? А удивительнее всего то, что эти люди тоже владели раш-и. И белобрысый с Марой явно знакомы, это было видно по выражению их лиц – чувствовалась застарелая неприязнь, а может, даже вражда. Этот факт смущал меня больше всего...

И тут я вспомнил, почему мне знакома физиономия белобрысого! Ну конечно, он же был в отряде Атиуса, среди тех, кому посчастливилось выжить в форте Приграничном! Най, кажется, так его звали. Неудивительно, что я не сразу узнал воина: он запомнился мне тощим, изможденным, испуганным – сейчас же парень отъелся и выглядел вполне уверенным в себе.

Следующая мысль не порадовала: раз по храму бродят воины Атиуса – значит, маг тоже должен быть где-то поблизости. Откуда они взялись, и как с ними теперь бороться?..

Погруженный в раздумья, я миновал несколько залов, не обратив внимания на их вид. Кажется, где-то мелькали драгоценности, но их блеск меня ничуть не привлек. В этой пирамиде алчность вела прямо к смерти. Я остановился, только оказавшись в просторном, хорошо освещенном зале. Мое внимание привлек пол, выложенный черными и белыми квадратными плитами мрамора – такая огромная шахматная доска.

За невнимательность я чуть было не поплатился жизнью. Совсем рядом взревело пламя, и лишь в последнее мгновение мне удалось отскочить в сторону. Перекатившись через плечо, я бросил взгляд на источник магии.

– Лак-ха сегодня благоволит мне, – тихо произнес Атиус.

Волшебник стоял в другом конце зала, но эхо усилило его голос.

Вот я и встретился с одним из немногих людей, которых по-настоящему ненавижу. Мне выпал отличный шанс отомстить.

Чародей выглядел несколько иначе, чем в последнюю нашу встречу. Половина головы и часть лица его были покрыты сеткой уродливых шрамов, оставшихся после моего заклятия. Левый глаз прикрывала черная повязка. Волосы так и не восстановились – кое-где торчали нелепыми клочками, не скрывая обширных плешей. Насколько мне было известно, Атиус достаточно богат, чтобы позволить себе услуги эльфийских магов жизни.

– А я вполне мог бы попытаться вернуть тебе волосы, – задумчиво произнес я.

Эта фраза не на шутку задела чародея.

– Сейчас ты умрешь, – тяжело уронил Атиус и атаковал.

Но я увернулся, и голубой шарик, похожий на жемчужину, врезался в стену. Во все стороны полетели осколки камня. Белый квадрат, на который я ступил, слегка опустился подо мной, тут же с потолка ударило несколько огненных столбов. Удивительно, но плита, которая активировала ловушку, не попала под чары. Зато один из столбов ударил в Атиуса, заставив его отскочить. Не давая волшебнику опомниться, я атаковал сразу несколькими молниями, но человек отбил все.

Со всех сторон слышались сухие щелчки, в нас полетело множество арбалетных болтов. Они помешали чародею контратаковать. Отбив болты, мы сразу обменялись несколькими заклятиями. Мне удалось отразить чары, но я не тешил себя ложными надеждами. Атиус был гораздо искуснее в стихийном волшебстве. Использовать магию листвы не было возможности. Откуда растения в каменной пирамиде?

«Если так пойдет дальше, не продержусь и минуты», – подумал я. Атиус стоял на «безопасном» квадрате. Человеческие маги привыкли сражаться, не сходя с места, я же всегда был силен именно в движении. И теперь моя смерть становилась лишь вопросом времени, причем очень короткого.

Но все же я нашел выход, хоть и опасный. Не дожидаясь новой атаки Атиуса, со всех ног побежал по залу. По моим наблюдениям, чары, которыми было

нашпиговано помещение, не обязательно ударяли в того, кто их активировал. Я поставил на это и не ошибся...

В зале воцарился сущий хаос – огненные, воздушные, водные заклятия свистели над нашими головами, стремясь достать непрошенных гостей. Стоя на одном месте, Атиус мог только защищаться. Чтобы атаковать меня, ему пришлось двигаться. Как только маг покинул безопасный квадрат, количество активированных ловушек увеличилось вдвое.

Вокруг нас творилось полное безумство. Это было сражение на грани человеческих и даже эльфийских возможностей. Победа или поражение теперь зависели не только от магических способностей, но и от физических – скорости, ловкости, внимательности и выносливости. Повсюду активировались все новые ловушки. Ударяли с потолка огненные столбы, летели пульсары, выстреливали арбалетные болты... Один из квадратов неожиданно взвился на огромной скорости к потолку. Я едва успел спрыгнуть. Квадрат с бешеной скоростью ударился в потолок и рассыпался на мелкие куски.

На пол падали каменные плиты, попади под которые – мокрого места не останется. Несколько раз из стен ударяли упругие струи воды и потоки воздуха, способные разрубить тело напополам. Шипя, с потолка полилось расплавленное золото, сразу после него низвергся поток кислоты. Тяжелее всего пришлось с множеством разноцветных искорок, разлетевшихся по залу. Немного повисев в воздухе, они с грохотом взрывались.

Во всем этом хаосе нам с Атиусом и приходилось двигаться. Блокируя чары, уходя от ловушек, мы еще успевали поливать друг друга заклятиями. Хоть наш бой длился недолго, оба успели взмокнуть и тяжело дышали. Теперь победа была за тем, кто сможет дольше продержаться. Сейчас я был сильнее Атиуса, который недавно оправился от ран. Я уже надеялся на благоприятный исход схватки, но оказалось, недооценил возможности чародея.

Неожиданно Атиус остановился и раскинул руки, будто собирался взлететь. Казалось, маг решил покончить жизнь самоубийством. Но созданная мной молния и несколько ловушек просто исчезли, приблизившись к человеку. «Создал вокруг себя пространственный карман» – понял я. Такой фокус требовал подготовки. Атиус умудрился не только бегать по залу, блокируя ловушки и атакуя меня, он одновременно создавал заклятие, требующее немалых сил и хорошей концентрации.

Обезопасив себя, маг стремительно швырнул в меня несколько мощных заклятий, чем загнал в тупик. Передо мной плясала оранжевая искорка, готовая взорваться, справа летели арбалетные болты, слева магия Атиуса, с потолка впереди падал столб огня, а за спиной текло расплавленное золото. Я блокировал некоторые из чар, но не все: искра перед лицом распустилась ярким цветком пламени. Я инстинктивно прикрыл голову, зажмурил глаза, прощаясь с жизнью, и... Почувствовал, что падаю.

После нескольких мгновений свободного падения я плюхнулся в ледяную воду. Сильное течение подхватило, закрутило, понесло... Сначала я не мог понять, где верх, где низ, раза три меня ощутимо приложило о дно и стены тоннеля, по которому текла подземная река. Вскоре она оборвалась, я полетел вниз с водопада и снова с шумом рухнул в холодную воду.

Всплыв на поверхность, осмотрелся. Я оказался в огромной естественной пещере посреди подземного озера. Из последних сил доплыл до берега, выполз на камни. Собрав в кучку остатки сил, создал заклинание, чтобы высушить одежду. Клубами повалил пар. Подложив под голову заплечный мешок, который каким-то чудом уцелел при мне, я забылся тревожным сном.

Пробуждение было не из приятных. Сон на холодном камне – не лучший способ отдыха. Все тело ломало. Вскочив на ноги, я размялся, нагрел вокруг себя воздух. Хоть не полностью, но силы восстановились.

Оглядевшись внимательнее, я понял, что первое впечатление о гроте было неверным. Пещеру сотворила не природа, а разумные существа. Камень, на котором я спал, был явно отшлифован вручную, и напоминал огромную ступеньку. Кое-где на грубо обработанных стенах висели горящие факелы.

Не придумав ничего лучше, я поплелся вперед. Вскоре стены начали сужаться, факелов стало больше, и я увидел лестницу, которая уходила вверх. Поднявшись по ней, попал в просторный, полутемный зал. В его стенах от пола до потолка были вырезаны ниши. Я создал над плечом огненный шарик, подошел к одной из них. Темнота расступилась, открыв содержимое ниши. Внутри сидел скелет гоблина. Ноги его были скрещены, с плеч свисала обветшала одежда. Некогда эта хламида была богатым жреческим одеянием, таким же, как в моем сне.

Подвесив светящийся шар под потолок, я максимально увеличил его мощность, ненадолго осветив весь зал. Из ниш за мной наблюдали пустые глазницы сотен скелетов.

– Кладбище, – прошептал я и вернул огненному шару его первоначальный размер.

Скорее всего, это были захоронения жрецов, некогда занимавших в храме высокие посты. Значит, сон действительно показал картину прошлого? Но в голове не укладывалось, что гоблины могли когда-то жить на Диком архипелаге и поклоняться непонятному божку. Нас учили, что маленький народец ведет свою историю из Даллирии.

Остаться в склепе не было никакого желания, я поспешил убраться. Пройдя несколько залов, еще раз поднявшись по лестнице и преодолев недлинный тоннель, оказался в просторном квадратном зале, освещенном множеством факелов. В центре стоял прямоугольный, отлитый из чистого золота, инкрустированный драгоценными камнями алтарь. Коридор, через который пришел я, оказался далеко не единственным, по периметру зала располагалось около двух десятков дверей.

– Лэй! – воскликнула Мара, появившись из ближайшего входа. – Наконец-то!

В руке у нее был щит, тот самый, который, как показала картинка на стене, орка забрала у рыжебородого воина. Больше зеленая ничего не успела сказать. Из дверей стали выходить вооруженные люди. Заметив нас, они обнажали клинки. Затем появилась смутно знакомая красивая женщина, которая впиалась в меня заинтересованным взглядом.

«День неожиданных встреч» – возникла в голове нелепая мысль.

Последним в зал шагнул Атиус, создав пульсар на ладони. Не знаю, чем бы все это закончилось, но тут послышался гул. Он постепенно усиливался, нарастал. Все уставились в потолок, откуда доносился странный звук. Над алтарем я разглядел круглое отверстие. Гул становился все ближе, и вскоре превратился в знакомый голос:

– А-а-а-а-а-а-а-а!

Из отверстия с диким криком вылетел Роману.

В последнее мгновение я успел уплотнить под ним воздух, чтобы смягчить падение. Но Лис все равно довольно болезненно приложился об алтарь.

С трудом встав на ноги, вор удивленно огляделся вокруг, рассматривая собравшуюся компанию. Но тут многострадальный алтарь под Лисом пришел в движение, осел и наполовину ушел под пол. Все дружно отступили на шаг, напряженно наблюдая за происходящим.

- Мне кажется, или земля дрожит? - вслух произнесла Мара.

Мара

- Землетрясение! - тихо, одними губами произнес ушастик.

- Землетрясение! - подхватил Роману.

Вор неуклюже спрыгнул с алтаря, и вовремя: пол раскололся, золотая громада провалилась в яму, от которой зигзагами побежали трещины. Со стен падали факелы, осыпались украшения, рушились барельефы. Каменные плиты пола ощутимо шатались. Я поддержала Лиса, который и так с трудом стоял на ногах.

- Мы все умрем! - прохныкал Най. - Бежим, пока не поздно!

- Как был трусом, так и остался, - презрительно бросила я.

Однако белобрысый хорек был прав: стоило поторопиться, иначе мы рисковали остаться в храме навечно. Я скомандовала:

- Лэй, пошли!

Левой рукой держа за шиворот Роману, правой выставив перед собой щит, шагнула в сторону ближайшего выхода. Очень хотелось надеяться, что враги проявят благоразумие и тоже побегут, вместо того чтобы останавливать нас. А еще я переживала за Ала, который тоже был здесь. Мы с ним старались не смотреть друг на друга, но я почти физически чувствовала его злобу и желание ринуться мне на помощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/udovichenko_maksim/iskateli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)